

ПОСЛЕ РАЗВОДА.

АЛИБИ ДЛЯ ПРЕДАТЕЛЯ

ОН НЕ УБИЙЦА.
НО ЭТО НЕ ДЕЛАЕТ ЕГО НЕВИНОВНЫМ.

АРИНА ВОЛЬСКАЯ

Арина Вольская

**После Развода:
Алиби для Предателя**

«Литнет»

2026

Вольская А.

После Развода: Алиби для Предателя / А. Вольская — «Литнет», 2026

— Марина, защити меня. Ты единственная знаешь, что я не убийца. Два года назад Вадим публично назвал меня старой, озлобленной женой, которая мешает ему быть счастливым с молодой любовницей. Он отнял у меня семью, клиентов и профессиональную репутацию. Теперь его новая жена мертва. Вадима нашли рядом с телом. На его рубашке кровь, на руках следы пороха, а в телефоне — угрозы, отправленные погибшей незадолго до выстрела. Все считают, что предатель наконец получил по заслугам. Но я слишком хороший адвокат, чтобы не заметить: кто-то старательно приготовил для моего бывшего мужа идеальное обвинение. Я не собиралась его спасать. Пока следствие не решило, что убийцей могла быть наша дочь. Теперь мне придётся доказать невиновность человека, который уничтожил мою жизнь. Вадим уверен, что я вернулась, потому что до сих пор люблю его. Он уже рассказывает журналистам о нашем примирении и обещает, что мы снова станем семьёй. Только бывший муж ещё не понял: я защищаю его от чужой лжи не для того, чтобы простить его собственную. Он не убивал свою любовницу. Но всё остальное ему придётся признать в суде.

© Вольская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Кровь на белой рубашке	5
Глава 2. Ты знаешь меня лучше всех	19
Глава 3. Два адвоката для одной семьи	41
Глава 4. Эксперт, который ей не верит	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Кровь на белой рубашке

Два года после развода оказались не новой жизнью, как любят писать в женских журналах, а долгим ремонтом старой.

Сначала приходилось выносить обломки. Потом разбирать, что ещё можно сохранить. Затем учиться просыпаться без ощущения, что накануне произошло нечто непоправимое. И только после этого начинать заново строить стены — медленно, осторожно, не доверяя даже собственным рукам.

К девяти вечера я осталась в кабинете одна.

За окном отражались огни соседнего бизнес-центра, а на моём столе лежали три папки, пустой стакан из-под кофе и определение суда, которое я перечитывала уже четвёртый раз. Не потому, что не понимала написанного. Просто два года назад одна такая бумага означала бы для меня обычный рабочий день. Сегодня она казалась маленькой победой, которую хотелось подержать в руках немного дольше.

Суд отказался заключать мою подзащитную под стражу.

Следователь требовал отправить Светлану Миронову в следственный изолятор, потому что она якобы могла уничтожить документы и повлиять на свидетелей. Светлана сорок лет проработала бухгалтером, одна воспитывала сына-инвалида и никогда в жизни не выезжала дальше Турции. Но её бывший работодатель вывел через подконтрольные фирмы почти семьдесят миллионов, а когда налоговая начала задавать вопросы, обнаружил, что самым удобным виновником будет женщина, чья электронная подпись стояла на половине отчётов.

Схема была старой, почти неприлично простой.

Большой мужчина с деньгами и связями принимал решения. Женщина рядом выполняла поручения, подписывала бумаги и верила, что является частью общего дела. Когда приходило время отвечать, мужчина вспоминал, что подписи-то женские.

Утром Светлана сидела напротив меня в комнате для свиданий и беззвучно плакала, потому что следователь сказал ей собирать вещи.

Вечером суд оставил её под домашним арестом.

Это ещё не было оправданием. Даже не было гарантией победы. Но сегодня Светлана ночевала дома, рядом с сыном, а не на металлической койке под камерой.

Для меня этого было достаточно.

Я аккуратно положила определение в папку, закрыла её и только тогда заметила, что в приёмной давно не горит свет. Моя помощница Лена ушла почти час назад, предварительно трижды спросив, точно ли мне ничего не нужно.

— Мне нужно, чтобы ты перестала считать меня беспомощной старухой, — ответила я ей в третий раз.

— Вам пятьдесят, Марина Андреевна, — возразила Лена, натягивая пальто. — Это не старость.

— Тогда перестань считать меня беспомощной женщиной среднего возраста.

— У вас сегодня было два заседания, четыре встречи и один кофе.

— Два кофе.

— Второй вы не допили.

Лена забрала стакан с моего стола и выбросила его прежде, чем я успела защитить остатки напитка.

В двадцать четыре года она была убеждена, что человеческое здоровье можно сохранить, если вовремя выключать начальнику компьютер и отбирать у него кофеин. Я не хотела разрушать её веру в простые решения. В конце концов, именно простые решения обычно и удерживали жизнь от окончательного развала.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на кабинет.

Двадцать восемь квадратных метров на третьем этаже старого административного здания. Два окна во двор, книжный шкаф, мой стол, маленький круглый стол для доверителей и кофемашина, купленная Леной на первые общие премиальные. В приёмной помещались диван, стойка и ещё один шкаф, дверца которого закрывалась только после удара коленом.

До развода мой кабинет занимал половину этажа в стеклянной башне. На двери висела латунная табличка с названием юридической фирмы, в которой я была старшим партнёром. У меня работали шесть помощников, два младших адвоката и секретарь, умевшая по голосу определять, стоит ли соединять меня с клиентом.

Через три месяца после интервью Вадима старшие партнёры предложили мне взять отпуск.

Они говорили о моей усталости, эмоциональном состоянии и необходимости восстановиться после тяжёлой семейной ситуации. Никто не упомянул, что трое крупнейших клиентов фирмы одновременно заявили о нежелании работать с адвокатом, которая якобы использует профессиональные связи для преследования бывшего мужа.

Я не преследовала Вадима.

Я не звонила его партнёрам. Не угрожала Кристине. Не пыталась сорвать сделки его компании.

Я всего лишь отказалась подписать соглашение, по которому должна была публично подтвердить, что наш брак распался задолго до появления другой женщины и что все финансовые вопросы были урегулированы по взаимному согласию.

После этого Вадим дал интервью.

Он сидел в дорогом кресле, немного наклонившись к молодой журналистке, и с усталой сдержанностью рассказывал, как тяжело много лет жить рядом с женщиной, не способной принять естественный конец отношений. Он не называл меня психически больной. Вадим никогда не говорил ничего настолько прямого, что можно было бы уверенно оспорить в суде.

Он использовал другие слова.

«Эмоциональная нестабильность».

«Блезненная зависимость».

«Попытки контролировать».

«Трудности с принятием реальности».

Кристина сидела рядом, держала его за руку и смотрела так, будто они вдвоём проявляют ко мне необыкновенное милосердие.

Через неделю я ушла из фирмы сама.

Через месяц сняла этот кабинет.

Через два года могла позволить себе помощницу, нормальную кофемашину и право не брать дела, от которых становилось тошно.

Это не было триумфальным возвращением. Журналисты не выстраивались у двери. Крупные корпорации не умоляли меня снова представлять их интересы. Большинство прежних клиентов так и не вернулось.

Зато теперь каждый человек, входивший в этот кабинет, приходил именно ко мне.

Не к жене Вадима Воронцова.

Не к женщине, которая могла одним звонком устроить встречу с владельцем строительной группы.

К адвокату Марине Воронцовой.

Фамилию я сохранила. Не из сентиментальности и не ради дочери, как думали окружающие. Под этой фамилией я получила статус, провела первые процессы и выиграла дела, к которым Вадим не имел никакого отношения. Отказываться от неё означало бы признать, что всё прожитое за двадцать семь лет принадлежало ему.

Я не собиралась отдавать бывшему мужу ещё и собственное имя.
Телефон завибрировал на столе.

Я посмотрела на экран, ожидая увидеть Лену, которая могла вспомнить о забытом документе, или Светлану, решившую ещё раз поблагодарить меня.

На экране высветилось:

Дарья.

Я сразу выпрямилась.

Дочь редко звонила после девяти. Не потому, что мы не общались, но за последние два года наши отношения стали осторожными, как разговор людей, переживших одну катастрофу и по-разному запомнивших, кто в ней виноват.

Дарья любила меня.

Я никогда в этом не сомневалась.

Но она любила и отца. А потому любое слово о Вадиме превращалось между нами в тонкий лёд, по которому обе старались идти, не делая резких движений.

Я взяла трубку.

— Даша?

В ответ сначала слышалось только дыхание.

Не плач. Хуже.

Человек, который плачет, ещё способен выпускать страх наружу. Дарья словно заперла его внутри и теперь задыхалась вместе с ним.

— Мам, — наконец произнесла дочь.

Одно слово прозвучало так, что я уже потянулась за сумкой.

— Что случилось? — спросила я, вставая.

— Ты можешь приехать?

— Куда?

Она снова замолчала. На заднем плане кто-то громко говорил, затем слышался короткий сигнал рации.

— Даша, где ты? — спросила я жёстче.

— У папы.

Я остановилась.

— В городской квартире?

— Нет. За городом. В доме.

Загородный дом Вадима.

Когда-то — наш дом.

В документах он всегда принадлежал компании, а затем был выведен на одну из дочерних структур, поэтому при разводе я не стала даже пытаться его делить. Слишком много лет я занималась юридическими вопросами мужа, чтобы не понимать, сколько времени и сил потребует спор. Я забрала городскую квартиру, часть накоплений и свою машину. Вадиму остались дом, бизнес, привычная жизнь и женщина на семнадцать лет моложе меня.

Тогда мне казалось, что я проявляю достоинство.

Позже я поняла: достоинством Вадим называл всё, что позволяло ему получить желаемое без сопротивления.

— Что произошло? — спросила я.

Дарья выдохнула, но слова всё равно не пришли.

— Папа... — начала она.

Я услышала, как рядом с ней кто-то сказал:

— Девушка, отойдите за ленту.

— Даша, передай телефон сотруднику полиции, — потребовала я.

— Мам, просто приезжай.

— Что с отцом?

— Я не знаю.

— Он жив?

На этот раз пауза оказалась короче.

— Вроде бы.

Ладонь, державшая телефон, похолодела.

— Что значит «вроде бы»?

— Его вынесли не сразу. Туда никого не пускают.

— А Кристина?

Дочь всхлипнула.

Это был первый человеческий звук с начала разговора.

— Кристина умерла.

В кабинете стало слишком тихо.

За окном двигались машины, где-то в коридоре хлопнула дверь, гудел старый холодильник в маленькой кухне. Все звуки существовали отдельно от меня, будто я слушала их через толстое стекло.

— Как? — спросила я.

— Я не знаю.

Дарья ответила слишком быстро.

Не «мне не сказали».

Не «полиция ничего не говорит».

«Я не знаю».

Адвокат во мне услышал разницу. Мать — испугалась того, что услышала её.

— Я выезжаю, — сказала я. — Никуда не уходи. Ни с кем не разговаривай подробно без адвоката.

— Мам, я не...

— Даша, послушай меня. Скажи полиции только свои данные и то, что готова ответить на вопросы в присутствии защитника. Ничего не объясняй по телефону и не пытайся никого убеждать.

— Но я просто...

— Ты поняла?

— Да, — прошептала она.

— Через сорок минут буду.

Я отключилась, закрыла ноутбук и на секунду оперлась ладонями о стол.

Кристина мертва.

Фраза не укладывалась в голове.

Последний раз я видела её вживую у здания суда, когда мы с Вадимом оформляли окончательное соглашение по имуществу. Она ждала его в машине, но, заметив меня, вышла.

На Кристине было светлое пальто, слишком тонкое для ноября, и высокие сапоги. Она подошла ко мне с осторожным выражением лица, которое, вероятно, считала доброжелательным.

— Марина Андреевна, — сказала она тогда, — я понимаю, что вам тяжело.

Я посмотрела на неё и впервые по-настоящему поняла, насколько она молода.

Не девочка. Тридцать три года, успешная карьера, дорогая одежда и уверенность женщины, которую выбрали. Но рядом с моими пятьюдесятью одним и двадцатью семью годами брака её молодость казалась почти вызывающей.

— Вы не понимаете, — ответила я.

— Вадим очень переживает.

— Вадим переживает из-за условий соглашения.

Она покраснела.

— Он не хотел причинять вам боль.

— Тогда ему следовало выбрать способ расстаться, при котором он не спал бы с вами два года до того, как сообщил мне о конце брака.

Кристина отвела глаза, а затем произнесла то, что я вспоминала чаще, чем хотела:

— Отношения редко разрушаются из-за одного человека.

Вероятно, она ожидала, что я начну спорить. Обвинять её. Рассказывать, какой была хорошей женой.

Я лишь кивнула.

— Верно. Иногда для этого нужны двое. Один предаёт, а второй убеждает себя, что чужое предательство — это его счастье.

После этого я села в машину и уехала.

С тех пор мы не разговаривали.

Я знала, что через семь месяцев они поженились. Увидела фотографию случайно — в ленте новостей, несмотря на все заблокированные имена. Кристина стояла на террасе того самого загородного дома в белом платье. Вадим держал её за талию и улыбался так, будто впервые в жизни оказался рядом с женщиной, достойной его счастья.

Я закрыла публикацию.

Потом отключила уведомления.

Ещё позже научилась не искать.

Теперь Кристина была мертва.

И мой бывший муж, возможно, лежал рядом с ней.

Я надела пальто, выключила свет и заперла кабинет. Уже в лифте набрала Сергея Орлова — адвоката, с которым несколько раз работала по сложным семейным делам. Он не ответил. Было почти десять вечера.

Я отправила сообщение:

«Срочно. Возможно, понадобится защита для Даши. перезвони, как увидишь».

Затем вызвала Лену из памяти телефона, но остановилась прежде, чем нажала кнопку.

Помощница ничем не могла помочь. А пересказывать вслух, что новая жена моего бывшего мужа убита, я пока не была способна.

До дома было сорок три километра.

Навигатор показывал тридцать восемь минут.

Я доехала за тридцать одну.

По дороге Дарья не звонила. Я дважды набирала её сама, но она сбрасывала вызов и присылала короткое сообщение:

«Я здесь».

В другом месте эти слова могли бы успокоить.

Сейчас они звучали почти как предупреждение.

Чем дальше я уезжала от города, тем реже становились фонари. Мокрый асфальт отражал свет фар, по обочинам лежал грязный мартовский снег, а голые ветви деревьев казались чёрными трещинами на тёмном небе.

Я пыталась не строить версии.

Профессиональная привычка требовала собрать факты, отделить известное от предположений и не позволить эмоциям заполнить пробелы. Но мозг всё равно подсовывал картины, которых я не видела.

Кристина на полу.

Вадим рядом.

Дарья за полицейской лентой.

Я сильнее сжала руль.

Вадим не был вспыльчивым.

Он мог быть жестоким, но его жестокость всегда оставалась холодной. Он не кричал, не бил посуду и не хлопал дверями. Даже когда я обнаружила переписку с Кристиной, он сидел напротив меня за кухонным столом и говорил спокойным голосом.

— Марина, давай не будем унижать друг друга сценами.

Сценой он называл мой вопрос, сколько времени это продолжается.

Когда я спросила, любит ли он её, Вадим посмотрел на меня почти с жалостью.

— Я не думаю, что сейчас это имеет значение.

Для него значение имело только то, что он уже принял решение.

Я не могла представить Вадима с пистолетом в руке, потерявшего контроль от ревности или страха. Но за двадцать семь лет брака я не смогла представить и двухлетнюю связь с женщиной, которую лично приглашала на корпоративные ужины.

Знать человека и привыкнуть к его присутствию — не одно и то же.

Эту разницу я усвоила слишком поздно.

За несколько километров до посёлка меня обогнала машина с включёнными проблесковыми маячками. Я пропустила её и поехала следом, уже не обращая внимания на скорость.

На въезде стоял полицейский автомобиль.

Охранник посёлка, которого я помнила ещё по прежней жизни, увидел меня через стекло и растерялся. Раньше он всегда открывал шлагбаум, едва замечая номер моей машины. Теперь подошёл медленно, словно не знал, имею ли я право въезжать.

— Марина Андреевна, — сказал он, наклоняясь к окну. — Там полиция.

— Я знаю. Меня вызвала дочь.

Он кивнул и махнул рукой напарнику.

Шлагбаум поднялся.

У дома было светло, как днём.

Фонари вдоль подъездной дорожки, прожекторы полиции, фары машин скорой помощи. На мокром асфальте вспыхивали синие и красные отсветы. У ворот стояли два патрульных автомобиля, микроавтобус криминалистов и несколько незнакомых машин.

Чуть дальше уже собрались журналисты.

Я заметила как минимум две камеры и мужчину с телефоном на стабилизаторе. Информация успела просочиться наружу, хотя с момента звонка Дарьи прошло меньше часа.

Конечно, успела.

В доме Вадима Воронцова не могла просто умереть женщина.

Это сразу становилось новостью.

Я оставила машину у обочины и вышла.

Холодный ветер ударил в лицо. На мне были тонкие туфли, в которых я утром приехала в суд, и уже через несколько шагов ноги промокли. Я почти не почувствовала этого.

За воротами натянули красно-белую ленту. Территорию охраняли двое полицейских. Один из них поднял ладонь.

— Проход закрыт.

— Я Марина Воронцова. Здесь моя дочь.

Фамилия подействовала мгновенно.

Полицейский посмотрел на меня внимательнее, затем перевёл взгляд на дом.

— Подождите здесь.

— Где Дарья?

— Сейчас уточню.

— Она звонила мне от ворот.

— Женщина, отойдите от оцепления.

Слово «женщина» прозвучало особенно неудачно.

— Я адвокат, — сказала я, доставая удостоверение. — И мать Дарьи Воронцовой. Мне не нужно входить в дом. Я хочу увидеть дочь и понять её процессуальный статус.

Полицейский взял удостоверение, быстро посмотрел и вернул.

— Она пока не задержана.

Пока.

Я услышала именно это слово.

— Где она?

Он указал в сторону тёмного внедорожника у соседнего участка.

Дарья стояла рядом с машиной, обхватив себя руками.

На ней был короткий пуховик, джинсы и белые кроссовки, испачканные грязью. Волосы, обычно собранные в аккуратный хвост, прилипли к лицу. Рядом находилась молодая женщина в форме и что-то записывала в блокнот.

Увидев меня, Дарья сделала шаг, но сотрудница остановила её.

— Вы мать? — спросила она.

— Да.

Я подошла к дочери и только тогда заметила, что она дрожит.

— Мам, — прошептала Дарья.

Я обняла её.

В двадцать семь лет она была выше меня на несколько сантиметров и давно отвыкла искать защиты в моих руках. Но сейчас прижалась так, как делала в детстве, когда просыпалась после кошмара.

Я провела ладонью по её волосам.

— Ты цела?

— Да.

— Тебя кто-нибудь трогал?

— Нет.

— Ты видела тело?

Дарья дёрнулась.

— Нет.

Ответ последовал быстро, но не настолько, чтобы я не заметила паузу.

Женщина в форме закрыла блокнот.

— Мы просто уточняли, когда Дарья Вадимовна приехала и кто ей сообщил.

— Дальнейшие объяснения она даст в присутствии адвоката, — сказала я.

— Она проходит как свидетель.

— Тогда у неё всё равно есть право на юридическую помощь.

Сотрудница посмотрела на меня без раздражения, но с той настороженностью, которая появляется у полицейских при встрече с адвокатом на месте происшествия.

— Старший следователь скоро подойдёт.

— Благодарю.

Она отошла на несколько шагов, но осталась рядом.

Я взяла Дарью за плечи.

— Посмотри на меня.

Дочь подняла лицо.

Глаза были сухими и огромными.

— Кто тебе позвонил? — спросила я тихо.

— Папин водитель.

— Почему он звонил тебе?

— Не знаю. Он сказал, что у дома полиция и папу нашли внутри.

— Где водитель?

— Его увели разговаривать.
— Когда ты приехала?
Дарья облизнула пересохшие губы.
— Недавно.
— Насколько недавно?
— Минут за двадцать до твоего звонка.
Она не смотрела мне в глаза.
— Даша, — произнесла я медленно, — мне сейчас нужно понимать не то, что ты хочешь сказать полиции. Мне нужно знать правду.
— Я говорю правду.
— Полностью?
Дарья наконец взглянула на меня.
В её лице промелькнуло что-то похожее на обиду.
— Ты думаешь, я что-то сделала?
— Я думаю, что ты напугана. А напуганные люди часто скрывают важные вещи, потому что боятся, как они будут выглядеть.
— Я ничего не делала.
— Я не спрашивала, делала ли ты что-то.
— Но ты именно это имеешь в виду.
— Я имею в виду, что в доме твоего отца убита женщина, а ты находишься у оцепления и не можешь нормально объяснить, кто тебя сюда вызвал.
Дарья отвернулась.
Я заметила, что правую руку она прячет в рукаве пуховика.
— Покажи ладонь.
Она резко посмотрела на меня.
— Что?
— Правую руку покажи.
— Мам, сейчас не время.
— Именно сейчас.
Дарья медленно вынула руку.
На основании большого пальца белела узкая полоска пластыря.
Небольшая. Свежая.
Я коснулась её запястья.
— Где порезалась?
— Дома.
— У себя?
— Да.
— Когда?
— Утром. Бокал разбила.
Она ответила слишком последовательно, будто повторяла заранее составленную фразу.
Я хотела задать следующий вопрос, но со стороны дома послышалось движение.
Двери распахнулись.
Сначала вышел сотрудник скорой помощи с переносным монитором. За ним двое мужчин выкатили носилки.
Дарья вцепилась в мою руку.
На носилках лежал Вадим.
Я не видела его два года.
Не на фотографиях, не в записях интервью и не из окна машины. Вживую.
Он постарел.

Эта мысль пришла первой и показалась почти неприличной.

На висках стало больше седины, лицо осунулось, под глазами залегли тёмные тени. Его голова была зафиксирована, на лице находилась кислородная маска, из-под которой тянулась прозрачная трубка. Рубашку расстегнули у воротника, галстука не было.

И она действительно была белой.

Вадим всегда предпочитал белые рубашки. Заказывал их у одного и того же мастера, раздражался, если оттенок уходил в кремовый, и никогда не носил вещи с заметным рисунком. Он говорил, что белая рубашка позволяет мужчине выглядеть собранным даже после бессонной ночи.

Сейчас от левого плеча к середине груди тянулось тёмное пятно.

Кровь.

Не ярко-красная, как в кино. Почти бурая в резком свете прожекторов.

Пятно было широким, размазанным, словно Вадима прижали к чему-то мокрому или провели по ткани окровавленной рукой.

Я смотрела на рубашку и не могла отвести глаз.

Мне приходилось видеть фотографии с мест преступлений. Кровь после выстрела редко оставалась одним аккуратным пятном. На одежде человека, находившегося рядом, обычно были мелкие точки, брызги, тонкие следы, направление которых потом часами изучали эксперты.

Здесь я почти не видела россыпи.

Только широкий мазок.

Возможно, дело было в расстоянии. В положении тела. В ткани. В свете, искажавшем всё.

Я не имела права делать выводы.

Но несоответствие уже зацепилось за сознание.

Вадим застонал.

Один из медиков наклонился к нему.

— Не двигайтесь, — сказал фельдшер. — Вы меня слышите?

Вадим приоткрыл глаза.

Его взгляд скользнул по свету, людям, воротам, а затем остановился на мне.

На мгновение мне показалось, что он не узнаёт меня.

Потом пальцы его правой руки дрогнули.

— Марина, — выдохнул он под маской.

Дарья рядом всхлипнула.

Я не двинулась.

— Марина, — повторил Вадим чуть громче.

Фельдшер обернулся.

— Вы родственница?

— Бывшая жена.

— Он требует вас вызвать с момента, как пришёл в сознание.

— Куда его везут?

Медик назвал больницу.

— Состояние тяжёлое? — спросила Дарья.

— Сейчас ничего сказать не могу, — ответил фельдшер. — Пожалуйста, не мешайте.

Носилки покатали дальше.

Вадим снова попытался поднять голову.

— Не... им, — пробормотал он.

Я сделала шаг ближе.

— Что?

Но фельдшер уже поправил маску.

— Господин Воронцов, молчите. Вам нельзя напрягаться.

— Марину... вызовите Марину, — выговорил Вадим.

Его голос ослаб, глаза закрылись.

Носилки погрузили в машину. Двери захлопнулись.

Скорая тронулась, и красные огни скользнули по лицу Дарьи.

Она смотрела вслед.

— Он жив, — сказала я.

Я произнесла это для неё, хотя самой мне требовалось услышать те же слова.

— Почему он был без сознания? — спросила дочь.

— Пока неизвестно.

— Он мог...

Дарья не закончила.

— Что?

— Ничего.

Она опять спрятала правую руку в рукав.

Из дома вышли двое криминалистов. Один нёс прозрачный пакет, внутри которого лежал предмет, похожий на пистолет.

Даже на расстоянии я узнала оружие.

Вадим купил его после угроз, связанных с одним из строительных проектов. Хранил в сейфе в кабинете, проходил обучение и дважды в месяц ездил в тир. Я никогда не любила, когда в доме находилось оружие, особенно пока Дарья была подростком, но Вадим уверял, что сейф надёжен.

Теперь пистолет лежал в пакете для вещественных доказательств.

У входа появился высокий мужчина в тёмном пальто поверх костюма. Он коротко поговорил с криминалистом, посмотрел в нашу сторону и направился к воротам.

Ему было около сорока пяти. Короткие тёмные волосы, усталое лицо, спокойная манера двигаться. Не форма, но удостоверение на ремне и тонкие перчатки в руке не оставляли сомнений.

Следователь.

Он остановился перед нами.

— Марина Андреевна Воронцова?

— Да.

— Старший следователь Илья Романов.

Он показал удостоверение.

Я успела прочитать фамилию, должность и название управления.

— Вы представляете интересы Вадима Сергеевича? — спросил Романов.

— Нет. Я приехала по звонку дочери.

— Но он неоднократно требовал вызвать именно вас.

— У моего бывшего мужа есть корпоративные юристы и личный адвокат.

— Он отказался называть кого-либо ещё.

— Это не делает меня его защитником.

Романов едва заметно кивнул.

— Разумеется.

Он посмотрел на Дарью.

— Дарья Вадимовна, нам всё же потребуется получить от вас подробные объяснения.

— В присутствии адвоката, — ответила я.

— Вы будете её представлять?

— Нет. Я её мать и потенциально заинтересованное лицо. Для неё приедет независимый адвокат.

Телефон в кармане завибрировал.

Я достала его.

Сергей Орлов.

— Одну минуту, — сказала я следователю и приняла звонок. — Сергей?

— Марина, что произошло? — спросил он сонным, но уже собранным голосом.

— Убита Кристина Воронцова. Вадима нашли рядом без сознания. Дарья находится на месте, полиция хочет её опросить.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Она задержана?

— Нет. Пока свидетель.

— Где вы?

Я назвала адрес.

— Буду через сорок минут, — сказал Сергей. — До моего приезда пусть сообщает только установочные данные. Никаких объяснений по существу.

— Именно это я ей и сказала.

— Марина, а ты сама в каком статусе?

— Ни в каком.

— Постарайся его сохранить.

Он отключился.

Я убрала телефон.

— Адвокат едет, — сообщила я Романову.

— Хорошо. Пока мы можем поговорить с вами.

— О чём?

— О взаимоотношениях Вадима Сергеевича и погибшей. Когда вы последний раз общались с Кристиной Олеговной?

— Два года назад.

— Конфликтовали?

— Наш последний разговор был неприятным, но угроз с моей стороны не было.

— Вы знали, что у них возникли семейные проблемы?

— Нет.

— Не следили за их жизнью?

Вопрос прозвучал нейтрально, однако формулировка была выбрана не случайно.

— Я адвокат, Илья... — я на секунду вспомнила отчество в удостоверении. — Илья Павлович. Поэтому понимаю разницу между интересом к публичным сведениям и слежкой. За их жизнью я не следила.

— Я не имел в виду ничего противоправного.

— Но оставили возможность услышать именно это.

В его глазах мелькнуло нечто похожее на уважение.

Или раздражение.

— Вам известно, что могло произойти сегодня вечером? — спросил Романов.

— Только то, что сказала дочь. Кристина погибла, Вадима нашли рядом.

— Его обнаружил водитель. Дверь была открыта. В гостиной находилась погибшая, рядом — Вадим Сергеевич без сознания. На его правой руке предварительно обнаружены следы продуктов выстрела.

Дарья шумно вдохнула.

Я взяла её за локоть.

— Предварительно, — повторила я. — До экспертизы это ничего не доказывает.

Романов посмотрел на меня.

— Рядом с Вадимом Сергеевичем лежал принадлежащий ему пистолет. По словам охраны, оружие обычно хранилось в сейфе его кабинета.

— Сейф был открыт?

— Обстоятельства осмотра я пока не обсуждаю.

— Тогда не создавайте впечатление, будто уже сообщили мне полную картину.

— Я ничего не создаю. Объясняю, почему нам важно установить последовательность событий.

Дарья закрыла лицо ладонью.

Я заметила, что пластырь на её правой руке начал отклеиваться.

— Можно ей сесть? — спросила я.

Романов указал на полицейскую машину.

Мы отошли к ней. Дарья села на край открытой двери, я осталась рядом.

— Она нуждается в медицинской помощи? — спросил следователь.

— Нет, — быстро ответила дочь.

— У вас повреждена рука.

Дарья спрятала ладонь.

— Порезалась утром.

Романов не стал уточнять. Только задержал взгляд на пластыре чуть дольше необходимого.

Я почувствовала, как внутри поднимается холод.

Не страх даже.

Профессиональная ясность.

Следователь уже что-то знал. Или подозревал.

— Когда предположительно наступила смерть? — спросила я.

— Судебный медик назовёт точнее. Предварительно — между девятью и десятью вечера.

Я посмотрела на часы.

Было двадцать три минуты двенадцатого.

— Когда приехал Вадим?

— Около половины десятого. Въезд зафиксирован камерой посёлка.

— А водитель?

— Он привёз Вадима, высадил у дома и уехал по его распоряжению. Примерно через сорок минут получил от Кристины Олеговны странное сообщение без текста и вернулся. Дверь оказалась открыта.

— Что значит «сообщение без текста»?

— Возможно, случайно отправленный файл или незавершённое голосовое. Телефон погибшей изъят.

— Вадим приехал по её просьбе?

— Судя по переписке, да.

Романов достал из внутреннего кармана небольшой блокнот, но не открыл его.

— Незадолго до приезда Вадима Сергеевича Кристина Олеговна отправила ему сообщение.

— Какое?

Следователь посмотрел сначала на меня, затем на Дарью.

— «Если ты не приедешь, я расскажу всё твоей бывшей жене».

Несколько секунд никто не говорил.

Я почувствовала, как по спине проходит холод, хотя ветер почти стих.

— Расскажет что? — спросила Дарья.

— Это мы и пытаемся установить, — ответил Романов.

— У неё были документы? — спросила я.

Следователь чуть прищурился.

— Почему вы спрашиваете именно о документах?

Я не собиралась сообщать ему о своей профессиональной интуиции или о том, что в мире Вадима большинство угроз всегда упиралось в деньги, договоры и подписи.

— Потому что Кристина работала в его компании. Если она собиралась обратиться ко мне, наиболее вероятная причина — юридическая.

— Или личная.

— Мы с ней два года не общались. Личных тайн она мне не доверяла.

— Возможно, собиралась впервые.

— Возможно.

Романов перевёл взгляд на дом.

В одном из окон второго этажа горел свет. Это был бывший кабинет Вадима. Я помнила расположение комнат слишком хорошо: справа гостиная с камином, дальше столовая, за ней кухня. На втором этаже спальни. В глубине коридора — кабинет и маленькая библиотека, которой почти никто не пользовался.

Кристина погибла в гостиной.

На ковре, который выбирала я?

За столом, который заказывала из Италии?

Я оборвала мысль.

Дом больше не был моим.

Женщина внутри не была частью моей жизни.

Но прошлое не спрашивало разрешения, прежде чем возвращаться.

У ворот усилился шум. Журналисты заметили меня.

— Марина Андреевна! — крикнул кто-то за полицейскими машинами. — Это правда, что Вадим Воронцов убил жену?

— Вы будете его защищать?

— Из-за чего они поссорились?

— Кристина собиралась развестись?

Романов недовольно обернулся.

— Откуда они так быстро узнали?

— В посёлке живут люди, у которых есть телефоны, — ответила я. — Кроме того, у компании Вадима слишком много сотрудников, считающих информацию разновидностью валюты.

— Вам лучше уехать.

— Не раньше, чем прибудет адвокат Дарья.

— Тогда отойдите подальше от ворот. Утром ваше лицо будет во всех новостях.

— Моё лицо уже было во всех новостях. Я пережила.

— Тогда вы должны понимать последствия.

— Понимаю лучше большинства.

Дарья поднялась с сиденья.

— Мам, может, правда уедем?

— Ты поедешь только после того, как Сергей поговорит со следователем.

— Я устала.

— Знаю.

— И папа в больнице.

— Туда тоже нельзя ехать без понимания, что происходит.

— Он может умереть.

Её голос сорвался.

Я посмотрела на дочь и увидела не взрослую женщину, скрывающую что-то от полиции, а девочку, которая боялась потерять отца.

Каким бы Вадим ни был мужем, он оставался её отцом.

Я обняла Дарью за плечи.

— Как только Сергей приедет, решим, что делать.

Романов отошёл, ответил на звонок, затем быстро направился к воротам. К нему подбежал молодой сотрудник с планшетом.

Они остановились в нескольких метрах от нас.

Я не слышала слов, но видела, как меняется лицо следователя.

Он посмотрел на экран.

Потом на Дарью.

Затем снова на экран.

Холод внутри стал почти физическим.

Романов что-то коротко сказал сотруднику и вернулся.

Теперь в его походке не было прежней нейтральности.

— Дарья Вадимовна, — произнёс он, — до приезда вашего адвоката вам придётся остаться здесь.

Дарья побледнела.

— Почему?

— Появились дополнительные обстоятельства.

Я встала между ними.

— Какие именно?

Романов посмотрел мне в глаза.

— Мы получили запись с камеры на соседней улице. Она фиксирует транспорт, который не попадает в основную систему посёлка.

Он повернул планшет.

На экране была ночная дорога, мокрый асфальт и светлая машина, въезжающая в кадр.

Машина Дарьи.

Номер был виден отчётливо.

В правом верхнем углу стояло время.

Девятнадцать часов сорок две минуты.

Почти за два часа до предполагаемого убийства.

— Дарья Вадимовна, — спокойно произнёс следователь, — вы хотите изменить свой ответ на вопрос о том, когда впервые приехали сегодня к этому дому?

Глава 2. Ты знаешь меня лучше всех

Следователь не повторил вопрос.

Он стоял напротив нас, удерживая планшет так, чтобы Дарья могла видеть собственную машину, тёмную дорогу и время в верхнем углу экрана. Вокруг продолжали двигаться люди. Криминалисты выносили из дома пакеты, за воротами перекрикивались журналисты, по мокрому асфальту пробегали красные и синие отсветы. Но для меня всё это вдруг отступило.

Осталась только цифра на экране.

Девятнадцать сорок две.

Почти за два часа до предполагаемого убийства.

Дарья смотрела на запись, не моргая. Я чувствовала, как её пальцы сжимают мой рукав, но дочь будто не замечала этого.

— Дарья Вадимовна, — спокойно произнёс Романов, — вы утверждали, что приехали сюда после звонка водителя. На записи видно, что ваша машина уже находилась возле дома значительно раньше. Я ещё раз спрашиваю: когда вы впервые приехали сегодня к Кристине Воронцовой?

Дарья облизнула губы.

— Я...

Я сжала её запястье.

Не сильно. Только чтобы остановить первые слова, которые страх почти вытолкнул из неё.

— До приезда адвоката моя дочь не будет давать объяснений, — сказала я.

Романов перевёл взгляд на меня.

— Она уже дала объяснение.

— В состоянии шока, без защитника и до того, как поняла, какие обстоятельства вас интересуют.

— Я не принуждал её отвечать.

— А я вас в этом и не обвиняю. Но теперь вы получили запись, которая, по вашему мнению, противоречит её словам. С этого момента любой дальнейший разговор должен проходить в присутствии адвоката.

— Она пока свидетель.

— Именно поэтому я хотела бы, чтобы этот статус сохранился.

Романов несколько секунд молчал.

Он не выглядел человеком, который наслаждался чужим страхом. Не пытался давить голосом, не делал резких движений и не бросал фраз о том, что молчание только ухудшит положение. От этого становилось не легче. Опаснее всего были не следователи, которые хотели напугать подозреваемого, а те, кто умел ждать.

— Хорошо, — наконец сказал он. — До приезда адвоката Дарья Вадимовна останется здесь.

— Она задержана? — спросила я.

— Нет.

— Тогда на каком основании вы запрещаете ей уехать?

— Я не запрещаю. Но если она покинет место до того, как мы зафиксируем её позицию по новым обстоятельствам, мне придётся направить официальную повестку и отдельно отразить отказ от дачи объяснений.

— От дачи объяснений свидетель вправе отказаться в части, которая может быть использована против него самого.

— Я знаком с Конституцией, Марина Андреевна.

— Тогда мы понимаем друг друга.

Его лицо осталось спокойным, но в глазах появилась усталость.

— Прекрасно понимаем, — ответил Романов. — Особенно после того, как человек сначала говорит, что приехал двадцать минут назад, а потом мы обнаруживаем его машину на записи двухчасовой давности.

Дарья вздрогнула.

Я почувствовала, что она сейчас не выдержит.

— Где мы можем подождать адвоката? — спросила я.

Следователь указал на полицейскую машину.

— В салоне тепло. Сотрудник останется рядом.

— Мы можем поговорить без посторонних?

— Вы не являетесь её защитником.

— Я её мать.

— Именно поэтому я не стану запрещать вам разговаривать. Но если Дарья Вадимовна сообщит вам сведения, имеющие отношение к преступлению, а потом изменит показания, ваше участие может создать дополнительные сложности.

— Вы предупреждаете меня или угрожаете?

— Предупреждаю. Как человека, который должен понимать последствия лучше большинства.

Я посмотрела на него внимательнее.

Он не собирался спорить. Уже получил достаточно, чтобы увидеть трещину в словах Дарьи, и теперь мог позволить себе ждать.

— Сергей Орлов скоро приедет, — сказала я. — До этого момента моя дочь не будет отвечать на вопросы.

— Я услышал.

Романов убрал планшет и отошёл.

Сотрудница полиции, которая раньше записывала объяснения Дарьи, открыла заднюю дверь служебной машины. Мы сели внутрь. Она осталась снаружи, но отошла достаточно далеко, чтобы не слышать разговор.

В салоне пахло пластиком, мокрой тканью и дешёвым освежителем воздуха. На передней панели светился экран рации, из которого периодически доносились обрывки переговоров. Дарья села у окна, повернувшись ко мне боком.

Я закрыла дверь.

Несколько секунд мы молчали.

— Ты была здесь раньше, — произнесла я.

Это не был вопрос.

Дарья смотрела на собственные колени.

— Да.

— Почему ты сказала, что приехала после звонка водителя?

— Я испугалась.

— Чего?

Она дёрнула плечом.

— Всего.

— Это не ответ.

— Мам, я сейчас не могу.

— А когда сможешь? После того как полиция найдёт ещё одну запись? После анализа крови? После того как следователь сам восстановит твои передвижения и решит, что любое твоё молчание подтверждает вину?

Дарья резко повернулась ко мне.

— Я не убивала её.

— Я не говорю, что убивала.

— Но смотришь именно так.

— Я смотрю как адвокат, который видит, что его дочь солгала следователю на месте убийства.

— Я не собиралась давать показания. Они просто начали спрашивать.

— И ты выбрала самый опасный ответ из возможных.

— Я хотела уехать домой.

— После убийства женщины, к которой ты приезжала за два часа до смерти?

Дарья закрыла глаза.

Я видела, как дрожит её подбородок, и ненавидела себя за то, что продолжаю давить. Но ещё сильнее я ненавидела неизвестность. В уголовном деле неизвестность никогда не оставалась пустым местом. Её обязательно заполнял тот, кому это было выгодно.

— Ты видела Кристину? — спросила я тише.

Дарья не ответила.

— Даша.

— Да.

Одно слово прозвучало едва слышно.

— Она была жива, когда ты уезжала?

— Да.

— Ты уверена?

Дочь резко открыла глаза.

— Конечно, уверена.

— Вы ссорились?

Она посмотрела на пластырь на своей ладони.

Этого было достаточно.

— Из-за чего? — спросила я.

— Я скажу Сергею.

— Ты можешь сказать мне.

— Нет.

Ответ прозвучал неожиданно твёрдо.

Я замолчала.

Дарья отвернулась к окну. За стеклом виднелись ворота дома, полицейская лента и люди, которые передвигались по участку, где когда-то проходили наши летние праздники. Я вспомнила, как в двенадцать лет Дарья бегала по этому двору с мокрыми волосами после бассейна. Как Вадим ругал её за следы на каменном полу. Как я защищала дочь, а потом сама вытирала воду, чтобы муж не раздражался.

Так, наверное, и создавалась привычка исправлять чужую жизнь.

Не одним большим решением.

Сотнями маленьких.

Убрать воду. Перенести встречу. Позвонить нужному человеку. Извиниться перед тем, кто не заслуживал извинений. Объяснить дочери, что отец устал. Объяснить мужу, что дочь ещё маленькая. Сделать так, чтобы никто не сталкивался с последствиями собственного характера.

Теперь Дарья сидела рядом и впервые отказывалась доверить мне правду.

Я хотела обидеться.

Но имела ли право?

Два года назад она видела, как рушится наша семья, и я требовала от неё невозможного: не выбирать сторону. Я повторяла, что Вадим остаётся её отцом, что наши отношения

не должны влиять на её любовь к нему, что взрослые сами разберутся. При этом каждое моё молчание заставляло её гадать, что произошло на самом деле.

Вадим говорил с дочерью уверенно и спокойно.

Я избегала подробностей, чтобы не втягивать её в конфликт.

В результате его версия звучала как правда, а моя — как пустота.

— Хорошо, — сказала я. — Дождёмся Сергея.

Дарья не повернулась.

— Ты злишься?

— Я боюсь.

— За меня?

— За тебя. За то, чего ты мне не говоришь. За то, что полиция уже знает больше, чем мы.

— Я не убивала Кристину, — повторила дочь.

— Тогда нам нужно сделать всё, чтобы следствие не смогло убедить себя в обратном.

Снаружи кто-то постучал в стекло.

Я открыла дверь.

Перед машиной стоял Сергей Орлов. Поверх свитера он надел длинное тёмное пальто, волосы были растрёпаны, а лицо сохраняло выражение человека, которого разбудили внезапным звонком и который по дороге успел полностью проснуться.

— Марина, — коротко произнёс он.

— Спасибо, что приехал.

Сергей наклонился и посмотрел на Дарью.

— Дарья Вадимовна, я Сергей Орлов. Ваша мать попросила меня представлять ваши интересы. Вы согласны?

Дарья кивнула.

— Нужно словами, — мягко сказал он.

— Да. Согласна.

— Тогда сначала мы поговорим наедине. После этого решим, какие объяснения давать следователю.

Я вышла из машины.

— Сергей...

Он поднял ладонь.

— Ты её мать. И ты можешь стать свидетелем. Поэтому сейчас не спрашивай, что она мне расскажет.

Мне не понравилось, насколько быстро он обозначил границу.

И одновременно я испытала облегчение.

Сергей не был человеком Вадима. Не зависел от его компании, не работал с его партнёрами и не участвовал в нашем разводе. Если интересы Дарьи столкнутся с интересами её отца, Сергей будет защищать только её.

Именно это сейчас требовалось.

— Романов получил запись, на которой машина Даши подъезжает к дому в девятнадцать сорок две, — сказала я. — Она сначала утверждала, что приехала после звонка водителя.

— Понял.

— В доме может быть её кровь. У неё свежий порез на ладони.

Сергей посмотрел на Дарью, затем снова на меня.

— Больше ничего не говори.

— Я не знаю больше.

— Тем лучше.

Он сел в машину и закрыл дверь.

Я осталась под холодным ветром.

Романов стоял у ворот и разговаривал по телефону. Увидев Сергея, он кивнул, словно ожидал именно такого развития.

Журналисты продолжали выкрикивать вопросы. Кто-то уже назвал меня по имени.

— Марина Андреевна! Вы приехали защищать бывшего мужа?

— Вадим Воронцов стрелял в Кристину?

— Ваша дочь была в доме?

Последний вопрос заставил меня повернуться.

Кто-то уже знал.

Возможно, увидел машину Дарьи. Возможно, получил информацию от полиции, охраны или соседей. А может быть, просто заметил, что следователь слишком долго разговаривает с ней.

Я подошла к Романову.

Он закончил звонок.

— Прессе известно, что Дарья была здесь, — сказала я.

— Не от меня.

— Я не утверждала, что от вас.

— В посёлке много камер и свидетелей.

— А ещё достаточно людей, которые готовы продать любую подробность.

— Поэтому я и советовал вам уехать.

— Моя дочь не уедет без адвоката.

— Теперь у неё есть адвокат.

— Скажите хотя бы, Вадима официально задерживают?

— Он находится в больнице под охраной.

— В каком статусе?

— Решение будет принято после заключения врачей и первичных экспертиз.

— То есть вы рассматриваете его как подозреваемого.

Романов не ответил прямо.

— В доме найдена застреленная женщина. Рядом лежал её муж без сознания. На его одежде кровь, на руках предварительные следы выстрела, возле него — принадлежащее ему оружие. Было бы странно не рассматривать эту версию.

— Было бы странно считать её единственной.

— Я не говорил, что она единственная.

— Тогда почему Кристина писала, что хочет что-то рассказать мне?

— Именно это мы и выясняем.

— В доме нашли документы?

— Марина Андреевна, вы не участник дела.

— Пока.

Он посмотрел на меня пристально.

— Вадим Сергеевич действительно просил вызвать вас.

— Он был дезориентирован.

— Возможно. Но ваше имя он повторил несколько раз.

Я ничего не ответила.

Вадим всегда знал, кого звать, когда становилось плохо.

Не обязательно того, кого любил.

Того, кто умел исправлять.

Через двадцать минут Сергей вышел из машины. Его лицо ничего не выражало.

— Мы готовы дать ограниченные объяснения, — сказал он Романову. — Дарья Вадимовна подтверждает, что приезжала к Кристине раньше, разговаривала с ней и уехала до пред-

полагаемого времени смерти. Подробные показания даст после официальной повестки, когда мы ознакомимся с предметом допроса.

— Почему она солгала о времени первого визита? — спросил Романов.

— Испугалась и ошибочно решила, что её присутствие автоматически сделает подозреваемой.

— А сейчас она так не считает?

— Сейчас она пользуется помощью адвоката.

Следователь чуть усмехнулся.

— Значит, считает, но формулирует осторожнее.

— Илья Павлович, — спокойно ответил Сергей, — вы прекрасно знаете, что нежелание свидетеля помогать вам строить обвинительную версию против самого себя не является признанием вины.

Романов посмотрел на закрытую дверь машины.

— Разговор был конфликтным?

— Подробности будут даны на допросе.

— Дарья Вадимовна получила порез в доме?

— Подробности будут даны на допросе.

— Она прикасалась к вещам погибшей?

— Вы слышали мой ответ.

— Хорошо. Завтра в десять утра я жду вас обоих в управлении.

— Повестку, пожалуйста.

Романов подозвал сотрудника.

Пока оформляли документ, я подошла к Сергею.

— Она сказала тебе, что произошло?

— Да.

— И?

— Марина, не заставляй меня выбирать между твоим доверием и интересами клиентки.

— Я её мать.

— Именно поэтому ты сейчас не лучший человек для получения признаний.

Слово заставило меня напрячься.

— Признаний?

— Не цепляйся. Я говорю не о преступлении.

— Тогда о чём?

— Завтра услышишь, если Дарья разрешит. Пока главное: она утверждает, что уехала живой Кристина осталась в доме одна.

— Утверждает?

Сергей посмотрел на меня с раздражением.

— Я не был там. Поэтому как адвокат могу говорить только так.

— Ты ей веришь?

— Моя работа не в том, чтобы верить. Моя работа — не позволить следствию использовать её страх и ошибки против неё.

Я слишком хорошо знала эту формулу, чтобы спорить.

Дарью отпустили почти в два часа ночи.

Мы поехали в город на моей машине. Сергей следовал за нами, чтобы убедиться, что журналисты не будут преследовать дочь до дома.

Всю дорогу Дарья молчала.

Я не задавала вопросов.

Оставила её у подъезда, дождалась, пока она войдёт, и только после этого позволила себе опустить голову на руль.

Телефон разрывался от уведомлений.

Сообщения от коллег. Пропущенные звонки с незнакомых номеров. Ссылки, которые присылала Лена.

Я открыла одну.

На экране появилось фотография загородного дома, снятая из-за полицейского оцепления. Заголовок гласил:

«Жена строительного магната Воронцова найдена мёртвой. Сам бизнесмен госпитализирован с места трагедии».

Ниже уже стояла моя фотография двухлетней давности.

«К дому прибыла бывшая супруга Воронцова, адвокат Марина Воронцова. По неподтверждённым данным, именно её имя упоминалось в последней переписке погибшей».

Я закрыла статью.

Потом выключила телефон.

Но прошлое уже снова нашло меня.

Утром Вадима задержали официально.

Об этом я узнала не от полиции и не от Дарьи.

В половине восьмого Лена позвонила мне домой и, не поздоровавшись, сказала:

— Марина Андреевна, только не открывайте новости.

— Уже поздно.

— Там пишут, что Воронцова задержали в больнице.

— Кто пишет?

— Все.

Я сидела на кухне перед чашкой кофе, к которой ещё не притронулась. Ночью мне удалось поспать меньше двух часов. Каждый раз, закрывая глаза, я видела тёмное пятно на белой рубашке и время в углу полицейской записи.

— Это пока ничего не значит, — сказала я.

— Я знаю.

Лена не знала.

Большинство людей воспринимали задержание как почти готовый приговор. Если человека вывели в наручники, значит, полиция уже разобралась. Если возле тела нашли оружие, всё остальное казалось формальностью.

— Сегодня приём не отменяем, — сказала я.

— У вас в одиннадцать консультация по делу Сафроновой.

— Проведём.

— У входа уже журналисты.

Я посмотрела в окно своей квартиры.

С восьмого этажа была видна парковка. Возле шлагбаума стояли две незнакомые машины. Один мужчина курил, поглядывая на подъезд.

— Перенеси консультацию в видеосвязь, — сказала я. — В офис пока не приезжай.

— А вы?

— Я позже решу.

— Марина Андреевна, они спрашивают, будете ли вы защищать бывшего мужа.

— А ты что отвечаешь?

— Что не комментирую личную жизнь руководителя.

— Правильно.

— Но это уже не личная жизнь.

— Поэтому продолжай не комментировать.

После разговора я включила телефон полностью.

Сообщений было больше сотни.

Дарья написала в пять утра:

«Я дома. Сергей сказал ничего не читать. Пожалуйста, тоже не читай».

Следом пришло ещё одно:

«Папу задержали».

Через минуту:

«Мам, ты можешь узнать, как он?»

Я не ответила сразу.

Позвонила Романову.

Он взял трубку после четвёртого гудка.

— Слушаю.

— Это Марина Воронцова. Вадима задержали?

— Да.

— На каком основании?

— По подозрению в убийстве Кристины Воронцовой.

— Он в состоянии участвовать в следственных действиях?

— Врачи разрешили перевод. Состояние стабильное.

— Где он находится?

— В изоляторе временного содержания.

— У него есть адвокат?

— Представитель компании прибыл в больницу, но Вадим Сергеевич отказался подписывать соглашение.

Я закрыла глаза.

— Он снова назвал моё имя?

— Да.

— Это не означает, что я приму дело.

— Я ничего не предлагаю.

— Но сообщаете именно мне.

— Потому что ваша дочь уже дважды позвонила дежурному и пыталась узнать, может ли увидеть отца. Свидание ей сейчас не дадут. Вадим Сергеевич заявил, что будет разговаривать только с вами.

— Подозреваемый не может выбирать, с кем разговаривать вместо адвоката.

— Он может отказаться от показаний.

— И правильно сделает.

— Передать ему ваши слова?

— Нет.

Романов помолчал.

— Марина Андреевна, возможно, вам стоит приехать.

— В качестве кого?

— В качестве адвоката, к которому обратился задержанный.

— Я не оформила соглашение.

— Вы можете встретиться с ним и решить, будете ли принимать защиту.

— А потом вы станете утверждать, что с момента беседы возникли отношения доверителя и защитника?

— Я не собираюсь присутствовать при разговоре.

— Это не ответ.

— Вы профессионал. Оформите всё так, как считаете необходимым.

Я посмотрела на часы.

— Когда?

— Через два часа.

— Я ничего не обещаю.

— Я передам, что вы думаете.

Он отключился.

Через минуту позвонила Дарья.

— Мам, — произнесла она, едва я ответила, — ты говорила с Романовым?

— Да.

— Папа жив?

— Его перевели в изолятор. Значит, врачи считают состояние стабильным.

— Ты поедешь к нему?

— Не знаю.

— Он просит тебя.

— У него есть адвокаты.

— Он им не доверяет.

— Это его выбор.

— Мам, пожалуйста.

Я встала из-за стола и подошла к окну. Мужчина у шлагбаума выбросил сигарету и заглянул в телефон.

— Даша, вчера ты скрыла от меня, что приезжала к Кристине. Сегодня просишь немедленно бежать к отцу. Ты понимаешь, насколько всё это связано?

— Именно поэтому тебе нужно с ним поговорить.

— Почему мне?

— Потому что он скажет тебе правду.

Я едва не рассмеялась.

Не от веселья.

От абсурдности этой веры.

— Твой отец говорит правду, когда она совпадает с его интересами.

— Но если он не убивал её...

— Я не знаю, убивал ли он.

На другом конце стало тихо.

— Ты правда думаешь, что мог?

— Я думаю, что вчера в доме погиб человек. И пока у нас есть только набор обстоятельств, которые выглядят против твоего отца.

— Ты прожила с ним почти тридцать лет.

— Именно поэтому не хочу делать выводы на основании того, каким считала его раньше.

Дарья тяжело выдохнула.

— Просто поговори с ним. Не защищай, если не хочешь. Хотя бы узнай, что произошло.

— А ты расскажешь мне о своём визите?

Она не ответила.

— Вот видишь, — сказала я. — Все хотят, чтобы я немедленно помогла, но никто не готов сказать мне правду.

— Я расскажу. После допроса. Сергей сказал сначала...

— Сергей прав. Делай, как он говорит.

— Тогда и ты поступи правильно.

— Для кого?

— Для меня.

Эти два слова сделали то, чего не смогли просьбы Вадима, звонок Романова и десятки заголовков.

Для меня.

Я медленно выдохнула.

— Я встречусь с ним, — сказала я. — Только встречусь. Это не значит, что возьму дело.
— Спасибо.

— И до допроса не разговаривай ни с кем, кроме Сергея. Даже с отцом, если он получит возможность позвонить.

— Хорошо.

— Даша.

— Что?

— Не удаляй сообщения. Не чисти телефон. Не пытайся исправить то, что уже сказала полиции.

— Я поняла.

— И не ездь в офис компании.

— Почему я должна туда ехать?

— Потому что в трудной ситуации ты привыкла искать ответы у отца. Сейчас его сотрудники могут защищать не его и тем более не тебя, а компанию.

— Ты думаешь, они станут что-то скрывать?

— Я думаю, что люди Вадима всегда сначала защищают бизнес.

После разговора я оделась, взяла удостоверение и вышла через подземную парковку. Журналисты у шлагбаума заметили мою машину слишком поздно.

До изолятора я доехала за двадцать минут.

У входа уже стоял Андрей Колесников — руководитель юридического департамента компании Вадима. За годы совместной работы мы встречались десятки раз. На семейных праздниках он называл меня Мариной Андреевной, присылал цветы на день рождения и однажды попросил стать крёстной его дочери.

После интервью Вадима Андрей ни разу мне не позвонил.

Теперь шагнул навстречу так, будто мы расстались вчера.

— Марина Андреевна, слава богу.

— Не стоит привлекать бога к корпоративной защите.

Он замер, затем неловко улыбнулся.

— Я понимаю, у вас сложные отношения.

— Нет. У нас нет отношений.

— Вадим Сергеевич отказывается работать с нашими адвокатами.

— Вы тоже адвокат.

— Корпоративный. Уголовными делами занимаются привлечённые специалисты.

— Пусть выбирает любого.

— Он требует вас.

— Это я уже слышала.

Андрей понизил голос.

— Ситуация серьёзная. Следствие настроено жёстко. В прессе уже появляются версии о ревности, разводе и финансовом конфликте. Акции партнёров заморожены, банки запрашивают пояснения.

— Кристина умерла меньше суток назад, а вы уже считаете банковские риски.

— Это моя работа.

— Именно.

Он сделал вид, что не услышал смысла.

— Нам нужно понимать, что Вадим Сергеевич собирается говорить.

— Вам?

— Компании.

— Подозреваемый в убийстве не обязан согласовывать показания с советом директоров.

— Я не это имел в виду.

— Конечно.

Андрей приблизился.

— Марина Андреевна, никто не знает Вадима Сергеевича так, как вы.

Я посмотрела ему в глаза.

— Вы все сегодня повторяете одну и ту же ошибку.

— Какую?

— Считаете продолжительность брака доказательством знания человека.

Дежурный вызвал меня внутрь.

Перед встречей я письменно указала, что беседа проводится исключительно для решения вопроса о возможном принятии поручения, соглашение не заключено и защиту я пока не осуществляю. Формулировка не могла уничтожить все профессиональные риски, но хотя бы фиксировала границу, которую Вадим наверняка попытается стереть.

У меня забрали телефон, проверили удостоверение и провели по длинному коридору.

Стены были выкрашены в бледно-зелёный цвет. Под потолком горели холодные лампы. Двери открывались и закрывались с тяжёлым металлическим звуком, который невозможно спутать ни с каким другим.

Я бывала в изоляторах много раз.

Защищала людей, виновность которых казалась очевидной. Сидела напротив тех, кто лгал мне в глаза. Выслушивала признания, оправдания, просьбы передать деньги семьям и инструкции о том, какие документы нужно немедленно уничтожить. Училась не показывать отвращения и не путать личную оценку с профессиональным долгом.

Но впервые за одной из этих дверей меня ждал человек, с которым я делила постель почти три десятилетия.

Нас провели в небольшую комнату для конфиденциальных встреч.

На столе стояли два стула. Камера наблюдения была направлена на дверь и общий план помещения; по правилам звук записываться не должен был. Я всё равно понимала, что абсолютной конфиденциальности здесь не существует.

Вадима привели через несколько минут.

На нём была тёмная футболка и спортивные брюки, которые, вероятно, передали из дома или больницы. На лбу виднелась ссадина. Движения оставались медленными, будто тело ещё не полностью подчинилось ему после препарата.

Он сел напротив меня.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Вчера ночью его лицо было закрыто кислородной маской. Теперь я видела всё.

Серую кожу. Красные прожилки в глазах. Щетину, которую Вадим раньше не позволял себе даже в выходные. Синяк на запястье и след от медицинского пластыря на локте.

Он выглядел не как могущественный владелец строительной группы.

Как человек, которого впервые лишили возможности контролировать помещение, время и собеседника.

— Ты приехала, — сказал Вадим.

Не поблагодарил.

Констатировал ожидаемое.

— Дарья попросила.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Ты всегда делаешь что-то ради неё, когда не хочешь признаться, что делаешь это ради меня.

Я положила перед собой чистый блокнот, но не открыла его.

— Если ты собираешься использовать эту встречу для обсуждения наших отношений, я уйду.

— Марина, меня обвиняют в убийстве.

— Пока подозревают.

— Разница сейчас незначительная.

— Для адвоката значительная.

Он посмотрел на блокнот.

— Значит, ты возьмёшь дело.

— Нет. Я приехала выслушать тебя и решить, имеет ли смысл вообще рассматривать такой вопрос.

— Ты уже оформила допуск.

— Я зафиксировала, что пока не являюсь твоим защитником.

— Формальности.

— Именно из-за твоего отношения к формальностям мы развелись не сразу после первой измены, а спустя два года лжи.

Вадим поморщился.

— Сейчас не время.

— Ты сам начал разговор о наших отношениях.

Он откинулся на спинку стула и на секунду закрыл глаза.

— У меня до сих пор кружится голова.

— Что сказали врачи?

— Что в крови нашли какое-то успокоительное.

— Какое?

— Не знаю. Название мне не сообщили.

— Ты принимал лекарства?

— Нет.

— Алкоголь?

— Один бокал вина за обедом. Вечером ничего.

— Наркотики?

Он открыл глаза.

— Ты серьёзно?

— Я задаю вопрос.

— Нет.

— Медицинские препараты без назначения? Снотворное, успокоительное, обезболивающее?

— Ничего.

— Тогда расскажи всё с момента, когда Кристина связалась с тобой.

Вадим провёл ладонью по лицу.

— Она написала около девяти.

— Сообщение о том, что расскажет всё мне?

— Сначала позвонила.

— Что сказала?

— Требовала приехать.

— Почему?

— Не объяснила.

— Ты поехал, не задавая вопросов?

— Она была в истерике.

— Это не ответ.

— Марина, люди иногда едут домой, когда жена говорит, что произошло что-то серьёзное.

Я выдержала паузу.

— Ты называл домом то место, где жил со мной. Потом называл домом квартиру Кристины. Теперь загородный дом. Не будем спорить о терминах. Что именно она сказала?

Его челюсть напряглась.

— Что её предали.

— Кто?

— Она не назвала.

— Ты спросил?

— Конечно.

— И что ответила?

— Что я всё равно не поверю. Что в компании давно делают вещи, о которых я не знаю.

Что она нашла документы.

Я впервые взяла ручку.

— Какие документы?

— Не знаю.

— Финансовые?

— Возможно.

— Договоры? Платежи? Переписка?

— Она не уточнила.

— Кому собиралась их передать?

Вадим посмотрел на меня.

— Сказала, что передаст человеку, который разберётся.

— Мне?

— Я спросил. Она рассмеялась.

— Почему?

— Сказала, что я слишком долго считал тебя безопасной.

Ручка остановилась над бумагой.

— Безопасной для кого?

— Не знаю.

— Для тебя?

— Марина, я пересказываю разговор. Не интерпретируй каждое слово как обвинение.

— Женщина погибла после того, как пригрозила рассказать мне о документах из твоей компании. Ты сейчас подозреваемый. Я обязана интерпретировать каждое слово.

— Ты пока не мой адвокат.

— Тогда тем более могу задавать вопросы так, как считаю нужным.

Он отвёл взгляд.

— Я приехал примерно через двадцать минут. Водитель высадил меня у ворот.

— Почему не остался?

— Я сказал, что позвоню.

— Дверь была открыта?

— Нет. Кристина впустила меня.

— В каком она была состоянии?

— Напугана. Злая.

— Пьяная?

— Нет.

— Под действием препаратов?

— Я не заметил.

— На ней были повреждения?

— Нет.

— В доме находился кто-то ещё?

— Я никого не видел.

— Ты знал, что до тебя приезжала Дарья?

Он резко посмотрел на меня.

— Что?

Реакция выглядела настоящей.

Но за двадцать семь лет я видела множество настоящих реакций Вадима, которые позже оказывались лишь первой ступенью тщательно построенной лжи.

— Машину Даши зафиксировали возле дома около восьми вечера.

— Зачем она приезжала?

— Я надеялась, ты скажешь.

— Я не знал.

— Кристина упоминала её?

— Нет.

— Точно?

— Да.

— Продолжай.

Он глубоко вдохнул.

— Мы прошли в гостиную. Кристина ходила по комнате, что-то искала в телефоне, говорила, что все вокруг считают её дурой.

— Кто именно?

— Не знаю. Она называла Кирилла.

— Сазонова?

— Да.

Это было первое конкретное имя.

— В каком контексте?

— Говорила, что он всё устроил.

— Что устроил?

— Марина, если бы она объяснила нормально, я бы тебе сказал.

— Ты обычно хорошо понимаешь людей, даже когда они говорят ненормально.

— Она обвиняла Кирилла в том, что он использовал её подписи и доступы.

— К каким документам?

— Возможно, к договорам с подрядчиками.

— «Возможно» — твоё предположение или её слова?

— Моё.

— Она говорила о деньгах?

— Да.

— О каких суммах?

— Не называла.

— О краже?

— Сказала, что из компании выводят больше, чем я думаю.

Я записала фразу полностью.

— Ты удивился?

— Конечно.

— Потому что не знал о выводе денег или потому что не знал о масштабе?

Вадим замер.

Только на секунду.

Но я заметила.

— Что ты пытаешься сделать? — спросил он.

— Понять твои слова.

— Я сказал: не знал.

— Ты сказал: «больше, чем я думаю». Это предполагает, что о какой-то части операций ты был осведомлён.

— Она могла иметь в виду обычные расходы.

— Кристина не стала бы угрожать тебе раскрытием обычных расходов.

— Она могла преувеличивать.

— Удобно.

— Марина.

— Продолжай.

Он сжал губы.

— Я попросил её показать документы. Она сказала, что они не у неё.

— Где?

— Не сказала.

— У кого?

— Тоже.

— Но собиралась передать их мне?

— Возможно.

— Ты попытался позвонить Сазонову?

— Да.

— Он ответил?

— Нет.

— Есть запись звонка?

— Должна быть в телефоне.

— Что произошло потом?

Вадим потёр висок.

— Мне стало плохо.

— Сразу?

— Нет. Через несколько минут.

— Что ты пил?

— Воду.

— Из бутылки?

— Кристина налила в стакан.

— Бутылка уже была открыта?

— Не помню.

— Она пила из неё?

— Кажется, нет.

— Где стоял стакан?

— На столике у дивана.

— Ты видел, как она наливала?

— Да.

— Она могла что-то добавить?

— Я не заметил.

— Ты подозреваешь Кристину?

— Не знаю.

— Она хотела тебя отравить?

— Если бы хотела убить, препарат был бы другим.

— Ты стал токсикологом?

— Я ещё жив.

Он сказал это с раздражением, но за раздражением впервые проступил страх.

Вадим не любил признавать, что его жизнь могла зависеть от чужого решения. Не терпел болезни, больницы и даже обычных медицинских осмотров. Он всегда считал тело ещё одним активом, который обязан работать по графику.

— Что ты почувствовал? — спросила я.

— Слабость. Сначала подумал, что давление. Потом стало трудно говорить. Я попытался встать и упал.

— Кристина помогла?

— Она испугалась.

— Звала скорую?

— Не знаю.

— Что было последним, что ты помнишь?

Вадим закрыл глаза.

— Она сказала, что не успеет.

— Что именно?

— «Я не успею отдать».

— Документы?

— Наверное.

— Ты слышал кого-то ещё?

Он молчал слишком долго.

— Вадим.

— Мне показалось, что хлопнула дверь.

— Входная?

— Не знаю.

— Ты видел человека?

— Нет.

— Шаги?

— Возможно.

— Мужской голос?

— Не уверен.

— Выстрел?

Он открыл глаза.

— Нет.

— Совсем?

— Ничего.

— Ты пришёл в себя уже в скорой?

— Сначала в доме. Свет бил в глаза. Кто-то держал меня за плечо. Я видел кровь.

— Кристину?

— Нет. Только кровь на себе.

Он посмотрел на собственную грудь, словно белая рубашка всё ещё была на нём.

— Я не убивал её.

— Это должен установить суд.

— Ты мне веришь?

— Вера не относится к доказательствам.

— Я спрашиваю не адвоката.

— А кого?

— Женщину, которая прожила со мной двадцать семь лет.

Я положила ручку на стол.

Вот к чему он вёл с первой минуты.

Не к фактам.

К прошлому.

К привычке, которая заставляла меня угадывать его состояние по шагам в коридоре, знать, какую рубашку приготовить на важную встречу, какие слова использовать при разговоре с банком и когда молча отменить семейный ужин, потому что у Вадима снова возникли проблемы.

— Ты знаешь меня лучше всех, — сказал он. — Ты знаешь, что я не мог её убить.

Я смотрела на человека напротив и вдруг особенно ясно вспомнила утро, когда обнаружила вторую квартиру.

Не сама квартиру — договор аренды.

Он лежал в папке среди документов по одному из проектов. На имя помощника Сазонова, оплаченный корпоративной картой, сроком на два года. Я проверила адрес, потому что сумма не соответствовала району.

Вечером поехала туда.

Вадим открыл дверь не сразу.

На нём была рубашка, которую я подарила ему на день рождения. За его спиной стояла Кристина в домашнем халате.

Никто не закричал.

Никто не уронил бокал.

Вадим просто устало произнёс:

— Марина, давай без сцены.

Потом я нашла переписку, подготовленный проект соглашения о разводе и записку пиар-консультанта с рекомендациями, как представить расставание «естественным завершением давно исчерпавшего себя союза».

Пока я считала наш брак трудным, но живым, Вадим уже планировал форму моего публичного исчезновения.

— Двадцать семь лет я действительно думала, что знаю тебя, — сказала я. — Знала, что ты не переносишь мятную зубную пасту. Что перед важной встречей тебе нельзя задавать вопросы за завтраком. Что ты всегда читаешь договор с последней страницы. Что в самолёте ты заказываешь томатный сок, хотя дома его не пьёшь.

Вадим нахмурился.

— Марина...

— Я знала, как ты держишь чашку, когда злишься. Как меняется твой голос, когда ты собираешься солгать партнёру. Как ты молчишь, если решение уже принято и обсуждение нужно только для приличия. Я была уверена, что знаю тебя лучше всех.

— Так и есть.

— Потом я узнала, что ты два года спал с женщиной, которую приводил в наш дом. Снимал для неё квартиру через компанию. Готовил развод, пока поздравлял меня с годовщиной. Обсуждал с консультантами, как выставить меня нестабильной, ещё до того, как сообщил, что уходишь.

Он отвёл взгляд.

— Мы уже проходили это.

— Ты попросил меня вспомнить, насколько хорошо я тебя знаю.

— Я не убивал Кристину.

— Возможно.

— Не «возможно».

— У меня нет данных, чтобы сказать иначе.

— Тебе достаточно знать меня.
— Нет. Больше недостаточно.
Вадим подался вперёд.
— Тогда возьми дело и получи данные.
— У тебя есть адвокаты.
— Они будут защищать компанию.
— Выбери независимого.
— Я выбираю тебя.
— Ты не выбираешь меня. Ты снова назначаешь мне работу.
Он замер.
— Это не работа, Марина. Речь о моей жизни.
— Для адвоката это именно работа. Тяжёлая, ответственная и оплачиваемая. Но ты говоришь так, будто я обязана заняться ею из-за двадцати семи лет брака.
— А разве нет?
Вопрос прозвучал почти искренне.
Я почувствовала не гнев.
Усталость.
Глубокую, почти физическую.
— Нет, — ответила я. — Не обязана.
— У нас дочь.
— У Дарьи отдельный адвокат.
— Ты хочешь, чтобы она видела отца в тюрьме?
— Не используй её.
— Я не использую. Я говорю о последствиях.
— Ты всегда называл последствиями то, что должны были исправлять другие.
— Ты приехала.
— По просьбе Дарьи.
— Но приехала.
— И теперь уеду.
Я закрыла блокнот.
Вадим резко выпрямился.
— Подожди.
— Я услышала твою версию.
— И?
— Передай её своему адвокату.
— Я не доверяю им.
— Это твоя проблема.
— Ты серьёзно оставишь меня здесь?
Я встала.
— Тебя задержало следствие, а не я.
— Марина, если меня обвинят, они полезут в компанию. Начнут вытаскивать документы, задавать вопросы Дарье, тебе.
— Они уже задают.
— Тем более ты должна контролировать дело.
— Я больше не контролирую твою жизнь.
— Ты никогда не была просто женой.
— Именно. Я была твоим бесплатным адвокатом, кризисным управляющим, секретарём и человеком, который объяснял всем вокруг, что ты не хотел причинить вред. Больше я этого делать не буду.

Он поднялся слишком быстро, качнулся и оперся ладонью о стол.
Охранник за дверью сразу посмотрел внутрь через окно.
— Сядь, — сказала я.
— Ты не можешь уйти.
— Могу.
— Если не ради меня, то ради Даши.
Я замерла у двери.
— Что ты знаешь о её визите к Кристине?
— Ничего. Но если она была там, следствие попыбует столкнуть нас.
— Вас уже не нужно сталкивать. Ты обвиняемый в убийстве одной женщины, она скрывает встречу с погибшей. Ваши интересы могут оказаться противоположными.
— Дарья не могла убить Кристину.
— Тогда не позволяй своим будущим адвокатам строить защиту на этой версии.
— Я бы никогда...
Я повернулась к нему.
— Ты никогда не использовал бы семью ради собственной безопасности?
Он замолчал.
Этого ответа мне было достаточно.
— Найди адвоката, Вадим.
— Я нашёл.
— Нет.
— Марина.
Я открыла дверь и постучала охраннику.
— Встреча окончена.
За спиной прозвучал голос Вадима:
— Ты ещё вернёшься.
Не просьба.
Уверенность.
Старая уверенность человека, который привык, что я сначала отказываюсь, потом оцениваю риски, а в конце всё равно делаю необходимое.
Я не обернулась.
Романов ждал меня в коридоре возле комнаты для следственных действий.
— Закончили? — спросил он.
— Да.
— Примете защиту?
— Нет.
Он не выразил удивления.
— Вадим Сергеевич будет продолжать отказываться от другого адвоката?
— Это следует спросить у него.
— Он что-нибудь сообщил о событиях?
— Наша беседа была конфиденциальной.
— Вы утверждаете, что не являетесь защитником, но ссылаетесь на конфиденциальность.
— Я адвокат, к которому человек обратился за юридической помощью. Даже если соглашение не заключено, содержание консультации не становится вашей собственностью.
— Я ожидал такого ответа.
— Тогда зачем спросили?
— Иногда люди отвечают иначе, когда речь идёт о бывших супругах.
— Вы плохо знаете адвокатов.
— Зато неплохо знаю бывших супругов.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход, но не уходил.

— У меня есть информация, которую вы должны знать до завтрашнего допроса Дарьи. Я остановилась.

— Сергей Орлов уже получил повестку.

— Я говорил с ним. Но речь касается и вас.

— В каком смысле?

Романов открыл папку, которую держал под рукой.

— Дарья Вадимовна подтвердила, что приезжала к Кристине раньше. Однако не объяснила причину встречи и характер разговора.

— Она даст показания с адвокатом.

— Разумеется. Но после ночного осмотра появились новые обстоятельства.

Я почувствовала знакомое напряжение в основании шеи.

— Какие?

— В гостиной нашли разбитый бокал. На осколках и ковре есть кровь.

Перед глазами возник пластырь на ладони Дарьи.

— Кровь Кристины? — спросила я.

— Нет.

— Вадима?

— Предварительный экспресс-анализ исключил обоих.

— Экспресс-анализ не устанавливает конкретного человека.

— Поэтому назначена генетическая экспертиза. У Дарьи возьмут образец для сравнения.

— На каком основании?

— Она сама показала сотруднику повреждение руки. Кроме того, признала, что находилась в доме.

— Признала только после того, как вы предъявили запись.

— Именно.

Я посмотрела на папку.

— Ещё что-то?

— В телефоне Кристины обнаружена переписка с Дарьей.

— О чём?

— Часть сообщений удалена.

— Кем?

— Установим.

— Что осталось?

Романов не ответил сразу.

— Кристина просила Дарью не приезжать. Дарья написала, что не позволит снова использовать имя матери.

Сердце ударило сильнее.

— Это не угроза.

— Я и не называю это угрозой.

— Но собираетесь использовать как мотив.

— Я собираюсь установить, что произошло.

— Кристина отвечала?

— Последнее сохранившееся сообщение: «Твоя мать всё равно узнает правду».

Та же тема.

Правда, которую Кристина собиралась рассказать мне.

Документы.

Предательство в компании.

Дарья, приехавшая раньше Вадима.

— Вы считаете, что встреча Дарьи связана с убийством? — спросила я.
— Я считаю, что она скрыла важный эпизод.
— Она уехала за полтора часа до предполагаемой смерти.
— Мы пока не установили точное время смерти.
— Камеры зафиксировали её отъезд?
— Основная камера посёлка — нет.
— Почему?
— Дарья воспользовалась служебным выездом с другой стороны участка.
Я медленно вдохнула.
— Откуда она знала о служебном выезде?
— Раньше жила в этом доме.
Конечно.

Мы все знали.

Через него выезжали рабочие, садовники и машины доставки. Камера там часто не работала, потому что Вадим считал расходы на обновление системы неоправданными.

— Соседняя камера могла зафиксировать отъезд, — сказала я.
— Мы запрашиваем записи.
— Пока у вас нет доказательств, что она оставалась.
— Пока нет.

Слова прозвучали почти мягко.

От этого стало ещё холоднее.

— Что вы хотите от меня? — спросила я.
— Ничего. Только чтобы завтра Дарья Вадимовна понимала серьёзность положения.
— Она понимает.
— Ночью не понимала. Иначе не стала бы лгать.
— Она испугалась.
— Страх объясняет ложь, но не отменяет её значения.

Романов закрыл папку.

— Завтрашний допрос начнётся в статусе свидетеля.

— Начнётся?

— Если новые сведения подтвердятся, статус может измениться в процессе.

Я смотрела на него, не двигаясь.

— Вы собираетесь задержать мою дочь?

— Я сказал не это.

— Но хотите, чтобы я услышала именно такую возможность.

— Я хочу, чтобы вы не воспринимали допрос как формальность.

Телефон, который мне вернули на выходе, завибрировал в сумке.

Я достала его.

Сообщение от Сергея Орлова:

«Романов вызвал Дашу завтра к десяти. Я буду с ней. До допроса не обсуждай с ней детали по телефону».

Следом пришло сообщение от Дарьи:

«Мам, ты поговорила с папой? Ты будешь его защищать?»

Я не успела ответить.

Романов произнёс:

— Марина Андреевна, ещё один совет.

— Я не просила совета.

— Всё равно дам. Не пытайтесь одновременно спасти бывшего мужа и дочь. Очень скоро их версии могут начать противоречить друг другу.

Я подняла на него глаза.

— Версия Дарьи мне пока неизвестна.

— А версия Вадима?

— Защищена адвокатской тайной.

— Значит, вы всё-таки уже спасаете его.

— Нет.

Я убрала телефон.

— Я как раз впервые отказалась.

Романов посмотрел на меня так, будто знал: отказ ещё ничего не решает.

Возможно, он был прав.

Потому что в этот момент я думала не о Вадиме.

Я думала о разбитом бокале, свежем порезе на руке Дарьи и крови, которая не принадлежала ни погибшей женщине, ни человеку, найденному рядом с её телом.

А ещё о завтрашнем допросе, который мог начаться для моей дочери как для свидетеля.

И закончиться уже совсем в другом качестве.

Глава 3. Два адвоката для одной семьи

К десяти утра у здания следственного управления уже стояли три съёмочные группы.

Журналисты расположились не у центрального входа, а немного в стороне, возле парковки, откуда было видно каждую подъезжающую машину. Кто-то успел выяснить не только время допроса Дарьи, но и марку автомобиля Сергея Орлова. Когда его тёмный седан свернул к шлагбауму, двое операторов одновременно подняли камеры.

— Не выходите, — сказал Сергей, остановив машину перед закрытыми воротами.

Дарья сидела рядом с ним на переднем пассажирском месте. Я приехала отдельно и припарковалась через дорогу, но подошла к машине раньше журналистов.

На дочери было тёмно-серое пальто, под которым виднелся строгий брючный костюм. Волосы она собрала в низкий хвост. На лице почти не осталось следов бессонной ночи — только слишком светлая кожа и тени под глазами.

Она выглядела собранной.

Я знала цену этой собранности.

В детстве Дарья перед выступлениями в музыкальной школе тоже сидела неподвижно, сложив руки на коленях. Учительница хвалила её выдержку, не замечая, что ногти оставляют на ладонях глубокие следы.

Сейчас правая ладонь была заклеена свежим пластырем. Вчерашнюю узкую полоску Дарья заменила более широкой повязкой.

Сергей опустил стекло.

— Я позвоню дежурному, — сказал он. — Пусть проведут нас через служебный вход.

— Они всё равно снимут, — ответила я.

— Снимут. Но не получают возможности окружить Дарью и задавать вопросы в лицо.

Он набрал номер, коротко представился и сообщил, что прибыл со свидетельницей по повестке. Пока Сергей разговаривал, к машине уже направлялась молодая женщина с микрофоном. За ней торопился оператор.

— Дарья! — крикнула журналистка через стекло. — Это правда, что вы были последней, кто видел Кристину Воронцову живой?

Дочь вздрогнула.

Я шагнула между камерой и пассажирской дверью.

— Отойдите от автомобиля, — сказала я.

— Марина Андреевна, вы будете защищать дочь?

— Комментариев не будет.

— А бывшего мужа?

— Я сказала: комментариев не будет.

— Следствие считает Дарью подозреваемой?

— Обратитесь к следствию.

— Правда ли, что на месте убийства нашли её кровь?

Я посмотрела на журналистку.

Она была моложе Дарьи. Светлые волосы, идеальный макияж, тонкое пальто, явно выбранное для красивой картинки. В её голосе слышалось не злорадование, а профессиональное возбуждение человека, которому досталась громкая история.

Кровь Дарьи ещё не успели подтвердить официально.

Значит, кто-то снова передавал сведения изнутри.

— Откуда у вас эта информация? — спросила я.

— Мы не раскрываем источники.

— Тогда и я не обязана помогать вам превращать непроверенные сведения в обвинение.

— Но вы не опровергаете?

— Я не обсуждаю материалы следствия.

К нам подошёл сотрудник управления. Он открыл ворота вручную и жестом показал Сергею въезжать.

Журналистка отступила, однако продолжила говорить в камеру:

— Напомним, дочь строительного магната Дарья Воронцова была замечена возле дома погибшей примерно за два часа до предполагаемого убийства. Первоначально она скрыла этот визит от полиции...

Сергей медленно повёл машину вперёд.

Я осталась снаружи ещё на несколько секунд.

Заголовок уже был готов.

Дочь обманула полицию.

Кровь на месте преступления.

Семейный конфликт.

Журналисты пока не знали, что именно произошло в доме, но история им уже нравилась. В ней были молодая погибшая жена, богатый задержанный муж, униженная бывшая супруга и взрослая дочь, возможно, решившая защитить мать.

Не хватало только красивого мотива.

Его обязательно придумают к вечеру.

Я вернулась к собственной машине и проехала через ворота следом.

Внутри нас направили в небольшую комнату ожидания на втором этаже. Серые стены, пластиковые стулья, автомат с водой и окно, выходившее на внутренний двор. Ничего, что могло бы отвлечь человека от мыслей о предстоящем допросе.

Дарья села у окна.

Сергей положил папку на стол.

— До начала у нас есть около двадцати минут, — сказал он. — Я хочу ещё раз поговорить с тобой наедине.

Дочь посмотрела на меня.

— Можно мама останется?

Сергей покачал головой.

— Лучше нет.

— Но она всё равно узнает.

— Возможно. Однако сначала ты должна решить, что именно готова сообщить следствию. Марина Андреевна может стать самостоятельным свидетелем, особенно если Кристина действительно собиралась передать ей документы.

— Я не знаю ни о каких документах, — ответила Дарья.

— Тем более не нужно смешивать ваши позиции.

Я понимала, что он прав.

Но понимание не мешало ощущать себя человеком, которого выставляют за дверь из собственной семьи.

— Я подожду в коридоре, — сказала я.

Дарья поднялась.

— Мам.

— Что?

— Я правда не убивала её.

— Тогда расскажи Сергею всё остальное.

Она кивнула.

Я вышла и закрыла дверь.

В коридоре стояли два деревянных стула. Я села, положила сумку на колени и посмотрела на часы.

Девять сорок три.

До допроса оставалось семнадцать минут.

За закрытой дверью ничего не было слышно.

Сергей говорил тихо даже в обычной жизни. На судебных заседаниях ему никогда не приходилось повышать голос: он умел задавать вопросы так, что свидетель сам начинал бояться паузы после ответа. В нём не было эффектности, которую любили показывать в сериалах. Невысокий, немного сутулый, с редкими волосами и вечно мятым воротником рубашки, Сергей выглядел скорее преподавателем провинциального университета, чем одним из лучших адвокатов города.

Именно поэтому его часто недооценивали.

Мы познакомились двенадцать лет назад на процессе по делу женщины, обвинённой в организации убийства мужа. Я представляла интересы потерпевшей стороны, Сергей защищал обвиняемую. Мы спорили почти четыре месяца, не уступая друг другу ни одного ходатайства.

В конце процесса выяснилось, что убийство заказал деловой партнёр погибшего.

После оправдания своей подзащитной Сергей подошёл ко мне в коридоре и сказал:

— Вы очень достойно проиграли.

— А вы крайне неприятно выиграли, — ответила я.

С тех пор мы иногда передавали друг другу дела.

Он был одним из немногих мужчин в профессии, которые никогда не объясняли женщине очевидное медленным покровительственным голосом. Не пытался флиртовать, не напоминал о возрасте и не считал эмоциональность несовместимой с компетентностью.

Поэтому вчера я позвонила именно ему.

Не коллеге из прежней фирмы.

Не корпоративным адвокатам Вадима.

Не человеку, которому пришлось бы выбирать между дочерью владельца компании и интересами самой компании.

Сергей защищал Дарью.

Только Дарью.

И если для её спасения потребуется указать на Вадима, он сделает это без колебаний.

Мысль была неприятной.

Но правильной.

Дверь открылась через двадцать пять минут.

Сергей вышел первым.

— Допрос немного задерживается, — сказал он. — Романов заканчивает другое следственное действие.

Я посмотрела на него.

— Она рассказала?

— Да.

— Ты можешь сообщить мне?

— Только с её разрешения.

Дарья появилась в дверях.

Глаза у неё были красными, но лицо оставалось спокойным.

— Расскажи маме, — сказала она Сергею. — Всё равно из-за неё всё началось.

Слова ударили неожиданно.

— Из-за меня? — переспросила я.

— Я не обвиняю тебя.

Но именно обвинение я услышала.

Сергей жестом предложил вернуться в комнату. Мы сели втроём. Он оставил дверь приоткрытой, чтобы никто не мог утверждать, будто до официального допроса на Дарью оказывали давление.

— Кристина действительно собиралась дать интервью, — начал Сергей. — Дарья узнала об этом не от неё напрямую.

— От кого? — спросила я.

— У меня есть знакомая, которая работает редактором в интернет-журнале, — ответила дочь. — Не близкая подруга. Мы учились в одной школе. Она написала мне позавчера.

— Что именно?

— Спросила, знаю ли я, что Кристина готовит большой материал о семье.

— Какой материал?

— Интервью. Про жизнь с папой. Про развод. Про то, как тяжело им было из-за тебя.

Последние слова Дарья произнесла, глядя в стол.

— Из-за меня, — повторила я.

— По версии Кристины.

— Продолжай.

— Настя прислала несколько вопросов, которые редакция согласовывала с ней. Там было про твои попытки вернуть папу, про угрозы, про то, как ты якобы использовала клиентов и Дарью, чтобы давить на него.

— Меня, — тихо уточнила дочь. — Кристина собиралась сказать, что ты настраивала меня против отца.

Я почувствовала знакомую тяжесть под рёбрами.

Прошло два года.

Я научилась не читать статьи о них. Не смотреть фотографии. Не реагировать на редкие упоминания моей фамилии в интервью Вадима.

Но они снова собирались использовать меня.

Не потому, что я вмешалась.

Потому что история о счастливом новом браке требовала несчастной бывшей жены. Без меня их победа выглядела недостаточно убедительно.

— Почему знакомая решила предупредить тебя? — спросила я.

— Ей показалось, что это несправедливо. Она помнит тебя со школы. Ты помогла её матери, когда та разводилась.

Я вспомнила худую женщину в дешёвой куртке, которая ждала меня у школьных ворот. Муж оформил квартиру на свою мать и собирался оставить её с двумя детьми без жилья. Я дала ей телефон знакомого юриста и помогла составить первое заявление.

Наверное, для меня это заняло два часа.

Для её дочери оказалось достаточно, чтобы спустя много лет предупредить Дарью.

— Ты связалась с Кристиной? — спросила я.

— Сначала написала.

— Сообщения, которые нашли в телефоне?

— Да.

— Почему часть удалена?

Дарья сжала здоровую ладонь.

— Я удалила у себя переписку после ссоры. Не знаю, почему часть исчезла у неё.

— Удаление у одного собеседника не всегда удаляет сообщения у второго, — заметил Сергей. — Это зависит от приложения и выбранной функции. Эксперты установят.

— Что ты ей написала? — спросила я.

Дарья посмотрела на меня.

— Что она не имеет права снова поливать тебя грязью.

— Дословно?

— Не совсем.

— Даша.

— Я написала: «Если тебе так нужно оправдывать свой брак, говори о себе. Мою мать оставь в покое».

— Что ответила Кристина?

— Что никого не поливает грязью. Просто хочет рассказать правду.

— Какую?

— Что ты годами удерживала папу возле себя чувством вины. Что использовала мою болезнь.

Я нахмурилась.

— Какую болезнь?

— Мой пиелонефрит в шестнадцать лет.

Я не сразу поняла.

Дарья лежала в больнице две недели. Вадим в тот период собирался уехать на переговоры в Швейцарию. Я попросила перенести поездку хотя бы на несколько дней, потому что у дочери держалась высокая температура и врачи не могли подобрать лечение.

Он остался.

Через неделю всё-таки улетел.

Я никогда не считала это жертвой.

Тем более способом удержать мужа.

— Кристина знала об этом? — спросила я.

— Папа ей рассказывал.

Конечно.

Вадим всегда умел превращать самые обычные семейные обязанности в доказательство того, как много ему пришлось отдать.

— Что было дальше? — спросил Сергей, возвращая нас к событиям.

Дарья поправила рукав.

— Я написала, что приеду и поговорю лично.

— Кристина просила не приезжать, — напомнила я слова Романова.

— Да. Сказала, что у неё свои проблемы и ей не до меня.

— Но ты всё равно поехала.

— Я была злая.

— Это я понимаю. Зачем именно в тот вечер?

— Потому что интервью должны были записывать сегодня утром. Если бы я ждала, оно уже вышло бы.

— Ты могла позвонить мне.

— И что бы ты сделала?

Вопрос прозвучал резко.

Я не ответила сразу.

Наверное, потребовала бы увидеть вопросы. Позвонила бы редактору. Напомнила об ответственности за распространение недостоверных сведений. Подготовила заявление.

Сделала бы всё правильно.

Но Дарья уже два года наблюдала, как я правильно молчу, пока другие рассказывают мою историю.

— Я бы остановила публикацию, — сказала я.

— Как остановила первое интервью папы?

— Тогда я не знала о нём заранее.

— А потом? Ты подала в суд?

— Нет.

— Потребовала опровержения?

— Нет.

— Ты просто ушла из фирмы и сделала вид, что тебе всё равно.

Сергей поднял ладонь.

— Сейчас не время разбирать семейную историю.

— Нет, — сказала я. — Пусть говорит.

Дарья повернулась ко мне.

— Ты всё время говорила, что не хочешь скандала. Что правда со временем станет понятна. Что нормальные люди разберутся сами. А папа и Кристина давали интервью, выкладывали фотографии и рассказывали, как они наконец стали счастливы. Ты молчала, а все решили, что тебе нечего ответить.

— Я не хотела превращать наш развод в публичную войну.

— Но война уже шла. Просто ты в ней не участвовала.

Я почувствовала, как внутри поднимается привычное желание оправдаться.

Объяснить, что после развода у меня не осталось сил. Что любое публичное заявление означало бы новые заголовки. Что я боялась навредить Дарье. Что иногда молчание — не слабость, а единственный способ сохранить хотя бы часть себя.

Но дочь не спрашивала, почему я молчала.

Она рассказывала, почему поехала к Кристине.

— Ты решила защитить меня сама, — произнесла я.

— Кто-то должен был.

Слова прозвучали тише прежних, но ударили сильнее.

Сергей вмешался:

— В семь сорок две машина Дарьи подъехала к дому. Что произошло дальше?

Дочь опустила взгляд.

— Охрана меня знала. Основные ворота открыли без звонка.

— В доме был персонал?

— Уборщица уходила, когда я приехала. Ещё видела машину садовника у хозяйственного корпуса, но самого его не видела.

— Кристина открыла дверь?

— Да.

— Она была одна?

— Я думала, что одна.

— Почему «думала»?

— Потому что больше никого не видела. Но она вела себя странно. Несколько раз смотрела в коридор, будто ждала кого-то или боялась, что нас услышат.

Я вспомнила фотографию в зеркале.

Мужская фигура за спиной Дарьи.

— Вы прошли в гостиную? — спросила я.

— Да.

— Опиши Кристину.

Дарья поморщилась.

— Зачем?

— В каком она была состоянии? Пьяная? Напуганная? Злая?

— Не пьяная. Она была... напряжённая. На столе лежали телефон, ноутбук и какие-то бумаги. Когда я вошла, она быстро закрыла ноутбук.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Таблицы. Несколько листов с цифрами.

Мы с Сергеем одновременно посмотрели друг на друга.

Документы.

— Ты читала заголовки? — спросила я.

— Нет. Я пришла не из-за этого.

— Кристина что-нибудь сказала о документах?

— Сначала нет. Спросила, кто меня предупредил об интервью. Я не ответила.

— А потом?

— Мы начали спорить.

— Что сказала ты?

Дарья прикрыла глаза.

— Что она уже получила всё, чего хотела. Папу, дом, фамилию, деньги. Что могла бы хотя бы перестать доказывать всем, будто заслужила это больше тебя.

— Даша.

— Я была злая, мам.

— Я не осуждаю. Мне нужны точные слова.

— Я сказала, что она построила счастье на чужом унижении.

— Что ответила Кристина?

— Что ты сама унижала себя, когда цеплялась за мёртвый брак.

Я отвела взгляд.

Даже мёртвая, Кристина умела вернуть меня в тот день возле суда.

— Она говорила спокойно? — спросил Сергей.

— Сначала да. Потом тоже разозлилась. Сказала, что я не знаю половины того, что происходило между вами. Что папа хотел уйти намного раньше, но ты давила на него через меня.

— Это неправда, — сказала я.

— Я знаю.

— Ты уверена?

Дарья посмотрела мне прямо в глаза.

— Да.

В её голосе не было сомнения.

Я почувствовала, как что-то болезненно сжалось в груди.

Два года назад мне казалось, что своим молчанием я позволяю дочери сохранить отношения с отцом.

Возможно, вместо этого я оставила её один на один с необходимостью самостоятельно выбирать, кому верить.

— Дальше, — попросил Сергей.

— Я сказала, что не позволю ей снова использовать тебя для рекламы. Кристина ответила, что интервью вообще не о тебе. Что там будут вещи гораздо важнее развода.

— Какие вещи?

— Она не объяснила. Сказала, что скоро папе станет не до семейной репутации.

— Она угрожала ему?

— Скорее предупреждала.

— О чём?

— Что его предали люди, которым он доверяет. Что кто-то в компании ворует деньги и собирается сделать виноватыми других.

Я выпрямилась.

— Она называла Сазонова?

— Потом.

— Как именно?

— Я спросила, почему она не идёт в полицию. Кристина засмеялась и сказала, что с документами такого уровня в полицию не ходят, пока не знаешь, кто там прикрывает Кирилла.

— Дословно «Кирилла»?

— Да.

— Сазонова она назвала по фамилии?

— Один раз. Сказала: «Если Вадим не поймёт, что Сазонов делает у него за спиной, потеряет всё».

Сергей записал фразу.

— Почему этой информации нет в переписке? — спросил он.

— Потому что она сказала это лично.

— Ты понимаешь, что теперь следствие может решить, будто вы ссорились не только из-за интервью, но и из-за документов?

— Да.

— Ты прикасалась к ним?

— Нет.

— К ноутбуку?

— Нет.

— К телефону Кристины?

— Нет.

— Откуда кровь?

Дарья посмотрела на свою руку.

— На столике стояли два бокала и бутылка воды. Я сказала, что интервью не выйдет. Кристина ответила, что я ничего не могу ей запретить. Я разозлилась и ударила ладонью по столу.

— По стеклу? — спросила я.

— По краю. Один бокал упал на пол. Я наклонилась собрать осколки и порезалась.

— Почему начала собирать?

— Не знаю. Автоматически.

Очень знакомо.

Сначала разрушить.

Потом немедленно убрать следы, пока кто-нибудь не рассердился.

— Кристина помогла? — спросил Сергей.

— Принесла аптечку. Дала пластырь.

— Значит, на аптечке тоже могут быть твои следы.

— Наверное.

— На кране, полотенце?

— Я мыла руку в гостевом туалете.

Сергей сделал ещё одну запись.

— Кровь могла попасть на одежду Кристины?

— Не знаю. Она держала меня за запястье, когда клеила пластырь.

— Вы продолжили спор?

Дарья кивнула.

— Но уже тише. Она сказала, что не собирается делать меня врагом. Что скоро мне придётся решать, кого защищать.

— Между кем и кем? — спросила я.

— Между тобой и папой.

Комната словно стала меньше.

— Почему?

— Я спросила то же самое. Кристина сказала, что на некоторых документах стоит твоё имя.

Мы с Сергеем снова переглянулись.

— Моё имя? — переспросила я.

— Да.

— Какое именно? Фамилия? Подпись? Название компании?

— Она не объяснила.

— Ты потребовала показать документы?

— Да. Кристина отказалась. Сказала, что сначала поговорит с папой, а потом с тобой.

— Она собиралась связаться со мной в тот же вечер?

— Кажется, да.

— Почему в сообщении Вадиму она написала: «Если ты не приедешь, я расскажу всё твоей бывшей жене»?

— Я не знала об этом сообщении.

— Что произошло после разговора о документах?

Дарья сжала губы.

— Я сказала, что не верю ей. Что это очередная попытка втянуть тебя в скандал.

— Кристина разозлилась?

— Сказала, что я такая же, как отец. Верю только в ту правду, которая мне удобна.

— А потом?

— Я ушла.

— Через главный вход?

— Да. Но у ворот стояла машина доставки. Я не хотела ждать и выехала через служебную дорогу.

— Шлагбаум был открыт?

— Нет. Я знала старый код.

Сергей нахмурился.

— Код не меняли после развода?

— Видимо, нет.

— Камера там работала?

— Я не знаю.

— Вчера ты сказала следователю, что впервые приехала после звонка водителя, потому что боялась сообщить о ссоре?

— Да.

— Почему не позвонила матери сразу после встречи?

Дарья посмотрела на меня.

— Потому что не знала, верить ли Кристине.

— А если бы она говорила правду?

— Тогда я хотела сначала поговорить с папой.

— Ты звонила ему?

— Один раз. Он не ответил.

— Есть запись вызова?

— Да.

— Писала сообщение?

— Нет.

— Куда поехала после дома?

— В кафе возле работы. Сидела там одна почти час.

— Платила картой?

— Да.

— Камеры?

— Наверное.

— Потом?

— Поехала домой. А позже позвонил папин водитель.

Сергей отложил ручку.

— Во время официального допроса ты рассказываешь всё именно так. Без попыток сделать историю красивее. Не говоришь «не помню», если помнишь. Не додумываешь, если не знаешь. Отдельно подчёркиваешь, что Кристина была жива и не имела видимых повреждений, когда ты уходила.

— Хорошо.

— И объясняешь, почему солгала ночью.

— Я испугалась.

— Этого достаточно, если дальше всё подтверждается объективными данными.

Я смотрела на дочь.

— Почему ты не рассказала мне у дома?

— Потому что боялась, что ты решишь, будто я виновата.

— Я бы не решила.

— Ты вчера смотрела на мою руку как на улику.

Я не смогла возразить.

Потому что именно так и смотрела.

— Я твоя мать, — сказала я.

— А ещё ты адвокат. Иногда второе видно раньше.

Сергей поднялся.

— Романов ждёт. Марина, тебе лучше не присутствовать.

— Я знаю.

Дарья тоже встала.

Я коснулась её плеча.

— Всё будет хорошо.

Она посмотрела на меня с усталой нежностью.

— Ты не имеешь права это обещать.

Фраза была моей.

Я много раз говорила её клиентам и родственникам людей, которых защищала.

Не обещайте исход.

Не давайте ложную надежду.

Теперь дочь вернула мне собственные слова.

— Тогда скажу иначе, — ответила я. — Ты не останешься одна.

Дарья коротко кивнула и вышла вслед за Сергеем.

Допрос продолжался почти три часа.

Я ждала в коридоре, потом спустилась в маленькое кафе напротив управления. Купила кофе, не почувствовала вкуса и открыла новости.

История развивалась быстрее следствия.

К полудню фамилия Дарьи уже появилась в заголовках.

«Дочь Воронцова скрыла визит к мачехе в день убийства».

«Семейная месть? Новые подробности трагедии в доме строительного магната».

«Бывшая жена, молодая соперница и дочь между ними».

В одном материале утверждалось, что Дарья неоднократно угрожала Кристине. В другом ссылались на «источник, знакомый с ситуацией», по словам которого отношения женщин давно оставались напряжёнными.

Ни один журналист не упоминал документы.

Наверное, следствие пока не распространяло эту часть.

Или тот, кто сливал информацию, сознательно направлял внимание в сторону семейного конфликта.

Я закрыла новости и набрала Лену.

Она ответила сразу.

— Марина Андреевна, у нас возле офиса цирк.

— Сколько человек?

— Две камеры, один мужчина с телефоном и женщина, которая утверждает, что записалась на консультацию, но не может назвать своё дело.

— Не открывай.

— Я и не собиралась. Полицию вызывать?

— Пока нет. Скажи охране здания, чтобы никого не пропускали без записи.

— Все клиенты спрашивают, правда ли вы защищаете Вадима.

— Что отвечаешь?

— Что вы не комментируете.

— Хорошо.

— А вы защищаете?

Я посмотрела через окно кафе на серое здание следственного управления.

— Нет.

— Совсем?

— Пока нет.

Лена помолчала.

— Это «пока» звучит опасно.

— Для кого?

— Для вас.

Я едва улыбнулась.

— С каких пор ты стала давать юридические заключения?

— С тех пор как увидела, что люди делают с вами в комментариях.

— Не читай комментарии.

— Вы тоже не читаете?

— Я старше и имею право на вредные привычки.

— Там пишут, что вы натравили дочь на новую жену бывшего мужа.

Улыбка исчезла.

— Лена.

— Простите. Просто хотела предупредить.

— Предупредила. Теперь закрой новости и займись делами.

— Какими? Все консультации перенесены.

— Подготовь ходатайство по Мироновой. Следователь должен вернуть изъятые лекарства её сына.

— Хорошо.

— И найди мне контакты Павла Нечаева.

— Того самого?

— Уголовного адвоката. Раньше работал в коллегии «Право и защита».

— Зачем?

Я не ответила сразу.

— Просто найди.

— Марина Андреевна...

— Лена.

— Поняла.

После разговора я долго смотрела на телефон.

Павел Нечаев был одним из немногих специалистов, которым я могла доверить сложное уголовное дело и не опасаться, что он превратит процесс в шоу. Мы вместе защищали владельца логистической компании, которого обвиняли в гибели рабочего. Тогда Павел отвечал за уголовную часть, я — за документы и хозяйственные связи.

Он не любил Вадима.

Это было преимуществом.

Несколько лет назад Павел отказался работать на его компанию после того, как Сазонов предложил «неофициально решить» вопрос с экспертом. Павел закончил встречу, не допив кофе, и больше не отвечал на звонки корпоративных юристов.

Если я всё-таки приму защиту Вадима, мне понадобится второй адвокат.

Не сотрудник его компании.

Не человек Сазонова.

И не тот, кто станет искать спасение в обвинении Дарьи.

Мысль пришла слишком естественно.

Я заметила это и разозлилась на себя.

Вчера я отказала Вадиму.

Чётко. Однозначно.

Я не собиралась снова входить в его жизнь.

Однако теперь знала, что Кристина говорила о документах с моим именем. Знала, что она назвала Сазонова. Знала, что Дарья оказалась в доме, порезала руку, оставила кровь и солгала о визите.

Если защиту Вадима примут корпоративные адвокаты, их главная задача будет простой: создать разумное сомнение.

Для этого не обязательно найти настоящего убийцу.

Достаточно показать суду другого человека, у которого были мотив, возможность и конфликт с погибшей.

Дарья подходила почти идеально.

Она защищала мать.

Ненавидела публичное унижение.

Приехала к Кристине вопреки просьбе не делать этого.

Ссорилась.

Оставила кровь.

Скрыла визит.

Выехала через дорогу без работающей камеры.

Я могла сколько угодно повторять, что дочь уехала за полтора часа до смерти. Пока точное время не подтверждено, этот промежуток не спасал её.

Адвокат Вадима обязательно увидит эту линию.

Даже если сам Вадим запретит обвинять дочь, у защиты останется соблазн намекать. Не утверждать прямо. Задавать вопросы. Подчёркивать противоречия. Показывать, что следствие слишком быстро сосредоточилось на муже погибшей и не проверило человека, который открыто угрожал Кристине.

Я слишком хорошо знала профессию.

Чтобы спасти одного клиента, адвокат не обязан жалеть другого человека.

Особенно если тот не его клиент.

Телефон зазвонил.

Лена.

— Нашла, — сказала она. — Павел Нечаев теперь в собственной коллегии. Отправила номер.

- Спасибо.
- Вы ему позвоните?
- Да.
- Значит, всё-таки берёте дело?
- Я ещё ничего не решила.
- Но уже ищите второго адвоката.
- Именно так принимаются правильные решения. Сначала рассчитывают последствия.
- А неправильные?
- Я посмотрела на стеклянную дверь управления, за которой допрашивали мою дочь.
- Неправильные обычно принимают раньше, чем понимают, что это решение.
- Я отключилась и набрала Павла.
- Он ответил после второго гудка.
- Нечаев.
- Павел, это Марина Воронцова.
- Уже видел новости.
- Поэтому и звоню.
- Соболезную.
- Я не сразу поняла, кому именно.
- Кристине?
- Вадиму?
- Мне?
- Спасибо, — ответила я.
- Ты в порядке?
- Нет. Но это не мешает работать.
- Что нужно?
- Прямота Павла всегда экономила время.
- Возможное совместное ведение дела Вадима.
- На другом конце стало тихо.
- Вчера ты публично заявила, что не его жена, а сегодня собираешься стать адвокатом?
- Я вчера заявила, что он бывший муж. Это не изменилось.
- Почему ты?
- Он требует меня.
- Плохая причина.
- Согласна.
- Тогда настоящая?
- Я посмотрела на часы.
- Допрос продолжался уже два часа сорок минут.
- Моя дочь была у погибшей в день убийства.
- Это тоже видел.
- Она скрыла визит. В доме осталась её кровь. Был конфликт.
- И ты боишься, что защита Вадима сделает из неё альтернативного подозреваемого.
- Не боюсь. Знаю.
- Павел выдохнул.
- Отдельный адвокат у дочери есть?
- Сергей Орлов.
- Хороший выбор.
- Если я войду в защиту Вадима, Сергей продолжит представлять только Дарью. Мы не будем обмениваться конфиденциальной информацией без согласия клиентов.
- Правильно.

— Мне нужен второй защитник, который возьмёт на себя процессуальную часть и продолжит дело, если возникнет конфликт интересов.

— То есть ты заранее предполагаешь, что выйдешь.

— Я предполагаю любую возможность.

— Что знаешь об убийстве?

— Пока только общую версию. Кристина говорила о финансовых документах, предательстве в компании и Сазонове.

Павел снова замолчал.

— Кирилле Сазонове?

— Да.

— Это уже интереснее.

— Почему?

— Потому что два года назад он предлагал мне уговорить эксперта «точнее сформулировать» выводы по аварии на стройке. Я отказался. Через неделю эксперт сам изменил заключение.

— Ты сообщал?

— Без доказательств? Нет. Но с тех пор не работаю с ними.

— Поэтому я звоню именно тебе.

— Ты хочешь, чтобы я защищал человека, чья компания пыталась купить экспертизу?

— Я хочу, чтобы ты защищал человека от обвинения в убийстве, если он его не совершал.

— А если совершил?

— Тогда мы обеспечим законность расследования и не будем лгать суду.

— Красиво.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю.

Он немного помолчал.

— Мне нужен доступ к материалам и встреча с Вадимом.

— Сначала договоримся об условиях.

— Ты всё ещё считаешь, что можешь ставить ему условия?

— Если он хочет именно меня — да.

— Когда встречаемся?

— Сегодня.

— После допроса Дарьи?

— Да.

— Позвони.

Я убрала телефон.

Решение ещё не было принято.

Но направление уже стало очевидным.

Допрос закончился в половине второго.

Дарья вышла первой. Следом появились Сергей и Романов.

Дочь выглядела измотанной, но не сломленной. Она подошла ко мне и молча протянула руку. Я взяла её ладонь.

— Всё? — спросила я.

— На сегодня, — ответил Сергей.

Романов остановился рядом.

— Дарья Вадимовна дала подробные показания и добровольно предоставила образец для сравнительного исследования.

— Добровольно? — уточнила я.

— После консультации с адвокатом, — ответил Сергей. — Это разумно. Если кровь её, отрицать очевидное бессмысленно. Если нет, тем более полезно установить.

— Даша рассказала о документах? — спросила я.

Романов посмотрел на Сергея.

Тот кивнул.

— Да, — ответил следователь. — Это важная часть показаний.

— Вы нашли бумаги, о которых она говорила?

— В доме изъято значительное количество документов. Сейчас проводится осмотр.

— Сазонова уже допросили?

— Марина Андреевна, вы пока не представляете ни одного участника дела.

— Моё имя могло находиться в документах погибшей.

— Если обнаружим сведения, затрагивающие ваши интересы, вас вызовут.

— К тому времени информация снова окажется у журналистов?

Романов нахмурился.

— Я уже распорядился провести внутреннюю проверку утечек.

— И?

— Такие проверки редко дают быстрый результат.

— Зато новости появляются мгновенно.

Он не стал спорить.

— У нас есть запись с муниципальной камеры на выезде из посёлка, — сказал Романов.

Дарья сильнее сжала мою руку.

— Она зафиксировала машину Дарьи Вадимовны в двадцать часов восемнадцать минут.

Я быстро посчитала.

Тридцать шесть минут после въезда.

— Значит, она уехала примерно за час до прибытия Вадима, — сказала я.

— По предварительным данным, Вадим Сергеевич въехал в посёлок в двадцать один двадцать семь.

— А смерть наступила позже.

— Судебный медик пока сохраняет интервал с двадцати тридцати до двадцати двух часов.

— То есть алиби у Дарьи есть.

— Не полное.

— Она находилась в кафе с двадцати тридцати?

— Оплата картой прошла в двадцать тридцать четыре. Мы запросили записи.

— Кафе находится в двадцати пяти минутах от дома.

— Ночью можно доехать быстрее.

— Сначала вы утверждаете, что она могла остаться в доме, теперь — что могла вернуться?

— Я ничего не утверждаю. Проверяю.

Сергей вмешался:

— Илья Павлович, мы понимаем, что объективные данные пока не исключают Дарью полностью. Но они подтверждают основную часть её показаний: она уехала задолго до прибытия Вадима и находилась в другом месте.

— Подтверждают маршрут, — ответил Романов. — Не всё содержание разговора.

— Что ещё вас смущает? — спросила я.

Следователь посмотрел на Дарью.

— Сосед слышал женские крики примерно в восемь вечера.

— Мы не отрицали ссору, — сказал Сергей.

— На стекле обнаружены не только следы крови, но и отпечатки Дарьи.

— Она собирала осколки.

— Это соответствует её словам.

— Тогда почему вы говорите так, будто нашли новое противоречие? — спросила я.

Романов устало потёр переносицу.

— Потому что каждый установленный факт одновременно подтверждает присутствие вашей дочери на месте преступления. Да, она уехала. Да, камера это показывает. Но погибшая собиралась рассказать что-то о вас, Дарья пыталась остановить интервью, между ними произошёл конфликт, и Дарья солгала о визите.

— Из страха.

— Страх — объяснение. Не доказательство невиновности.

Дарья побледнела.

Сергей встал чуть впереди неё.

— Статус моей доверительницы?

— Свидетель.

— Изменить планируете?

— Сейчас оснований недостаточно.

— Тогда будем считать, что на сегодня всё.

Романов кивнул.

— Но Дарья Вадимовна не должна покидать город без уведомления.

— У свидетеля нет такой обязанности без соответствующего процессуального решения, — напомнил Сергей.

— Я попросил, а не запретил.

— Она будет доступна для вызова.

Романов посмотрел на меня.

— Вы встречались с Вадимом Сергеевичем?

— Да.

— Приняли защиту?

— Пока нет.

— Он рассказал о документах?

— Вы знаете, что я не отвечу.

— Дарья упомянула Сазонова. Было бы полезно понять, называла ли его Кристина и Вадиму.

Я выдержала его взгляд.

— Тогда получите показания Вадима в присутствии его адвоката.

— Он отказывается от назначенного защитника.

— Значит, убедите выбрать другого.

— Или вы всё-таки вернётесь.

Фраза прозвучала без насмешки.

Просто как констатация.

Я почувствовала раздражение, потому что Романов видел моё решение раньше, чем я успела признать его сама.

— Моя дочь больше вам не нужна? — спросила я.

— На сегодня нет.

— Тогда мы уходим.

В холле нас встретил шум.

Журналисты каким-то образом узнали, что допрос закончен. Как только двери открылись, камеры повернулись к Дарье.

— Дарья, почему вы скрыли встречу с Кристиной?

— Вы угрожали ей?

— Это ваша кровь найдена в гостиной?

— Вы защищали мать?

— Марина Андреевна, ваша дочь подозреваемая?

Сергей и сотрудник управления провели Дарью к служебному выходу. Я пошла рядом, стараясь заслонить её от камер.

Один мужчина шагнул слишком близко.

— Дарья Вадимовна, вы ненавидели новую жену отца?

— Отойдите, — сказал Сергей.

— Почему вы приехали к ней в день убийства?

— Не мешайте проходу.

— Вы знали, что Кристина собиралась рассказать правду о вашей матери?

Дарья остановилась.

Всего на секунду.

Но я почувствовала это движение.

Журналист заметил.

— Какую правду она хотела рассказать? — тут же спросил он. — Марина Андреевна участвовала в финансовых операциях компании?

Я повернулась к нему.

— Что вы сказали?

Он отступил, но микрофон не опустил.

— У нас есть сведения, что Кристина Воронцова собирала материалы о финансовых нарушениях, связанных с бывшей женой мужа.

— Какие сведения?

— Из конфиденциального источника.

— У вашего конфиденциального источника есть документы?

— Вы отрицаете участие в операциях компании?

Камеры приблизились.

Я увидела, как меняется выражение лица Дарьи.

Страх за себя уступил страху за меня.

И именно этого нельзя было допустить.

— Я не комментирую неподтверждённую информацию, — сказала я. — Все вопросы, связанные с уголовным делом, направляйте следствию.

— Вы будете защищать Вадима Воронцова?

Я посмотрела прямо в объектив.

— Решение пока не принято.

Это была ошибка.

Я поняла сразу.

Нужно было повторить привычное «без комментариев». Но журналисты уже услышали главное.

Не отказ.

Возможность.

— Значит, рассматриваете? — выкрикнула женщина с микрофоном.

— Вы простили бывшего мужа?

— Считаете его невиновным?

— Вы объединитесь ради дочери?

Сергей открыл заднюю дверь машины.

— Садись, — сказал он Дарье.

Дочь повернулась ко мне.

— Мам, ты правда думаешь взять его дело?

— Не здесь.

— Но ты сказала...

— Даша, садись.

Она подчинилась.

Я закрыла дверь и отошла от машины.

Журналисты продолжали задавать вопросы, но Сергей уже тронулся с места. За его автомобилем выехала машина охраны управления, не позволяя прессе приблизиться.

Я осталась одна перед камерами.

— Марина Андреевна, вы готовы снова защищать человека, который вам изменил?

— Развод не имеет отношения к праву человека на защиту, — ответила я.

— Даже если его обвиняют в убийстве любовницы?

— Кристина Воронцова была его законной женой.

— Для вас она всё равно оставалась любовницей?

Я посмотрела на журналистку, задавшую вопрос.

— Для следствия она должна оставаться погибшей, обстоятельства смерти которой необходимо установить. Всё остальное — ваша попытка получить эмоциональную цитату.

— Но вы ненавидели её?

Я не ответила.

Повернулась и пошла к машине.

За спиной продолжали кричать:

— Вы верите Вадиму?

— Он просил вас вернуться?

— Это правда, что семья снова объединилась?

Слово «семья» преследовало меня до парковки.

Павел приехал в мой кабинет в пять вечера.

К этому времени журналистов у входа стало меньше. Охрана здания провела его через подземный этаж, и он поднялся служебным лифтом.

Лена встретила нас в приёмной.

— Кофе? — спросила она.

— Мне чёрный, — ответил Павел.

— Марине Андреевне нельзя.

— Лена.

— У вас третий за день.

— Второй.

— Вы один выпили напротив управления.

Я посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Вас сняли через окно кафе.

Павел усмехнулся.

— Удобная жизнь у публичного адвоката. Даже кофе задокументирован.

— Поэтому тебе и нужен второй защитник, — ответила я.

Мы прошли в кабинет.

Павел снял пальто и повесил его на спинку стула. За последние годы он почти не изменился: высокий, широкоплечий, с короткими седыми волосами и лицом человека, которому давно надоели чужие попытки его обмануть.

Он сел за круглый стол.

— Начинай с условий, — сказал Павел.

— Сначала факты.

Я изложила всё, что могла сообщить без нарушения тайны предварительной консультации с Вадимом. Рассказала о положении тела, следах на рубашке, седативном препарате, сообщении Кристины, визите Дарьи, документах и имени Сазонова.

Павел слушал, не перебивая.

— Ты уверена, что можешь использовать сведения, полученные от Вадима до заключения соглашения? — спросил он, когда я закончила.

— Нет. Поэтому тебе их не сообщаю.

— Значит, он рассказал больше.

— Возможно.

— Уже плохо.

— Я понимаю.

— Если войдёшь в защиту, всё, что он сообщил, станет частью адвокатской тайны. Даже если позже выяснится, что сам Вадим участвовал в финансовой схеме против тебя.

— Поэтому ты должен быть вторым защитником.

— Чтобы продолжить, когда ты станешь потерпевшей?

— Или свидетелем. Или когда интересы Вадима столкнутся с интересами Дарьи.

Павел покачал головой.

— Они уже потенциально столкнулись.

— Потенциально.

— У защиты Вадима есть очевидная альтернативная версия.

— Поэтому я и хочу контролировать стратегию.

— Ты не можешь одновременно защищать его и запрещать проверять версию только потому, что она опасна для дочери.

— Я могу отказаться от защиты, если Вадим решит обвинять Дарью.

— Но до отказа ты будешь знать и его позицию, и часть позиции дочери.

— Позицию Дарьи я знаю только в той части, которую она разрешила сообщить мне как матери. Сергей не передаёт конфиденциальные сведения.

— Всё равно риск высокий.

— Поэтому соглашение будет заключено с двумя адвокатами. В нём отдельно зафиксируем, что при возникновении реального конфликта я прекращаю участие, а ты остаёшься.

Павел посмотрел на меня.

— Почему не передать дело мне сразу?

Я ожидала вопроса.

— Потому что Вадим не согласится.

— Тогда пусть сидит с назначенным защитником.

— И его корпоративные юристы начнут искать самый простой путь.

— Ты не обязана спасать его от собственных адвокатов.

— Речь не о нём.

— О Дарье.

— Да.

Павел откинулся на спинку стула.

— Вот что мне не нравится, Марина. Ты собираешься войти в защиту одного человека не ради его интересов, а чтобы защитить другого.

— Я буду добросовестно защищать Вадима от обвинения в убийстве.

— Пока это не потребует указать на Дарью.

— Дарья уехала до смерти.

— Время пока широкое. Она могла вернуться.

— Не возвращалась.

— Ты веришь дочери. Это естественно. Но адвокат Вадима обязан работать с доказательствами.

— Именно поэтому нам нужно искать настоящего убийцу, а не удобного запасного.

— А если настоящий убийца — Вадим?

Я посмотрела на него.

— Тогда доказательства приведут к нему.

— Ты готова это принять?

— Я уже однажды приняла, что не знала человека, с которым прожила двадцать семь лет.

— Это не ответ.

— Готова.

Павел молчал.

Лена принесла кофе, поставила чашки и вышла.

Он сделал глоток.

— Какие условия ты собираешься поставить Вадиму?

— Первое: защита не строится на обвинении Дарьи.

— Формулируй точнее. Мы не можем заранее исключить сведения, если они станут существенными.

— Мы не будем утверждать или внушать, что Дарья совершила убийство, без прямых доказательств. Не будем использовать её ложь как самостоятельную альтернативную версию. Все вопросы, касающиеся её, согласуются между нами, а при конфликте я выхожу.

— Уже лучше.

— Второе: Вадим полностью раскрывает обстоятельства отношений с Кристиной. Финансовые конфликты, возможный развод, документы, угрозы, связи с Сазоновым.

— Он соврёт.

— Тогда я прекращу защиту.

— А ты узнаешь, что соврал, когда?

— Буду проверять.

— Хорошо. Дальше.

— Компания прекращает использовать моё имя в публичных заявлениях. Никаких разговоров о воссоединении семьи, примирении и преданности бывшей жены.

Павел усмехнулся.

— Это для дела или для тебя?

— И для дела. Попытка представить меня эмоционально зависимой от клиента ударит по профессиональной репутации и даст следствию повод ставить под сомнение мои действия.

— Согласен.

— Четвёртое: если обнаружится, что мои интересы затронуты финансовыми документами, я немедленно оцениваю конфликт и при необходимости выхожу.

— Не «при необходимости». Если ты становишься потерпевшей или потенциальным обвиняемым по связанному эпизоду, выходишь.

— Согласна.

— Пятое: корпоративный департамент не руководит защитой.

— Да. Андрей Колесников получает только ту информацию, которую мы решим передать. Сазонов не участвует в совещаниях.

— Вадим не согласится.

— Тогда останется без меня.

Павел допил кофе.

— Я возьмусь.

— При каких условиях?

— Гонорар по рыночной ставке. Никаких семейных скидок, бесплатных консультаций и обещаний рассчитаться после освобождения.

— Разумеется.

— Все контакты с Вадимом фиксируем. На ключевые встречи ходим вдвоём.

— Хорошо.

— И ещё одно.

— Какое?

— Если я увижу, что ты снова становишься его женой вместо адвоката, скажу прямо.

— Я больше не его жена.

— На бумаге — два года. В голове люди разводятся дольше.

Я почувствовала раздражение.

— Ты согласился работать или проводить психотерапию?

— Работать. Но в этом деле твоя слабость — часть процессуального риска.

— Моя слабость?

— Дарья.

Я замолчала.

Павел попал точно.

Не Вадим.

Не прошлое.

Дочь.

— Именно поэтому ты здесь, — сказала я.

— Тогда едем.

В изолятор нас пропустили после шести.

Вадима привели в ту же комнату, где мы разговаривали утром. Увидев Павла, он сразу нахмурился.

— Я просил Марину.

— А получила меня в комплекте, — ответил Павел, садясь.

— Мы не договаривались.

— Мы вообще пока ни о чём не договорились, — сказала я.

Вадим посмотрел на меня внимательнее.

— Значит, ты всё-таки решила.

— Я решила предложить условия.

— Какие ещё условия?

— Те, на которых возьму дело.

— Марина, меня обвиняют в убийстве. Это не коммерческий договор.

— Именно поэтому всё должно быть определено заранее.

Павел положил на стол проект соглашения.

— Я буду вторым защитником, — сказал он. — При возникновении конфликта интересов продолжу дело самостоятельно.

— Какого конфликта? — спросил Вадим.

— Например, если выяснится, что Марина стала потерпевшей по финансовому эпизоду или свидетелем обстоятельств, связанных с убийством.

Вадим перевёл взгляд на меня.

— Ты уже говорила следствию о документах?

— Нет.

— Дарья говорила?

— Я не обсуждаю её показания.

— Ты её мать.

— А Сергей Орлов — её адвокат.

— Сергей Орлов? — переспросил Вадим. — Почему не кто-то из компании?

— Потому что интересы компании, твои интересы и интересы Дарьи могут не совпасть.

— Это моя дочь.

— Именно поэтому тебе должно быть важно, чтобы её защищал независимый человек.

— Мои адвокаты не стали бы вредить Дарье.

Павел посмотрел на него.

— Ваши адвокаты обязаны защищать вас. Если появится версия, снимающая подозрение с вас и переводящая его на другого человека, они будут её рассматривать.

— Не на мою дочь.

— Тогда это будет первым условием, — сказала я.

Вадим нахмурился.

— Каким?

— Мы не строим защиту на обвинении Дарьи. Не используем её визит, кровь и первоначальную ложь как самостоятельную версию убийства без прямых доказательств.

— Она солгала?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

— Дарья сама расскажет тебе то, что сочтёт нужным.

— Что произошло в доме?

— Я не её адвокат и не имею права передавать детали.

— Но знаешь.

— Знаю часть.

— И скрываешь от меня?

— Устанавливаю границы.

Он откинулся назад.

— Хорошо. Я не собираюсь обвинять Дашу.

— Это должно относиться и к корпоративным юристам, — сказал Павел. — Они не делают заявлений, не передают сведения прессе и не формируют альтернативную версию без согласования с нами.

— Я прикажу.

— Не прикажете, а подпишете соглашение о стратегии защиты, — поправила я.

Вадим посмотрел на меня с прежним раздражением, которое появлялось всякий раз, когда я требовала оформить письменно то, что он считал достаточным пообещать.

— Дальше, — произнёс он.

— Ты полностью раскрываешь обстоятельства отношений с Кристиной, — сказала я. — Не только события последнего вечера. Возможный развод, финансовые разногласия, её участие в компании, конфликты с Сазоновым, угрозы и любые документы.

— Я уже рассказал всё.

— Нет.

— Что именно ты считаешь скрытым?

— Это мы выясним при проверке.

— У тебя снова привычка считать меня виновным заранее.

— У меня привычка не верить клиенту на слово.

— Я не просто клиент.

— Если подпишем соглашение, для меня ты будешь именно клиентом.

Он посмотрел на Павла, будто ожидал поддержки.

Тот спокойно листал бумаги.

— Нормальное условие, — сказал он. — Ложь адвокату почти всегда заканчивается плохо для обвиняемого.

— Я не лгу.

- Отлично. Значит, условие вас не затруднит.
- Дальше, — повторил Вадим.
- Компания прекращает использовать моё имя в публичных заявлениях, — сказала я.
- Никакого «семья объединилась», «бывшая жена верит в невиновность» и «трагедия вернула близких друг другу».
- Это пиар-стратегия.
- Теперь она закончилась.
- Общественное мнение важно.
- Тогда пусть компания рассказывает о доказательствах, когда они появятся. Моей личной жизнью вы больше не торгуете.
- Марина, если публика увидит, что даже ты меня защищаешь...
- Именно это она и увидит. Адвокат защищает клиента. Не жена спасает мужа.
- Для большинства людей разницы нет.
- Значит, объясним.
- Ты всегда недооценивала эмоции аудитории.
- Я улыбнулась без радости.
- Именно на эмоциях аудитории ты уничтожил мою репутацию два года назад. Второй раз не получится.
- Вадим отвёл взгляд.
- Хорошо.
- Андрей Колесников не руководит защитой, — добавил Павел. — Корпоративный департамент передаёт нам документы, но не определяет позицию.
- Андрей знает компанию.
- Поэтому будет полезен как источник, — сказал я. — Но не как руководитель.
- А Кирилл?
- Сазонов не участвует в наших совещаниях, — ответила я.
- Вадим напрягся.
- Почему?
- Потому что Кристина называла его в связи с финансовыми нарушениями.
- Он внимательно посмотрел на меня.
- Я не раскрыла ничего нового: об этом сказала Дарья, а не Вадим.
- Даша слышала? — спросил он.
- Да.
- Что именно?
- Подробности получим процессуальным путём, если следствие приобщит её показания.
- Ты играешь со мной в адвоката.
- Я и есть адвокат.
- Ты моя...
- Он остановился.
- Я ждала.
- Бывшая жена, — закончил Вадим.
- Наконец-то правильно.
- Павел придвинул соглашение ближе.
- Последнее условие. Если интересы Марины вступят в конфликт с вашей защитой, она выходит из дела. Я продолжаю.
- Я не понимаю, какой конфликт может быть у неё со мной.
- Кристина говорила о документах на имя Марины, — ответил Павел. — Если выяснится, что её подпись использовали незаконно, она может стать потерпевшей. Если следствие

решит, что она участвовала в операциях, — потенциальным обвиняемым. В обоих случаях представлять вас она не сможет.

— Никаких документов против Марины нет, — быстро сказал Вадим.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она не имела отношения к компании после развода.

— Кристина утверждала обратное.

— Кристина многое говорила.

— Значит, нам нужно выяснить, что именно.

— Я не использовал твои документы.

Фраза прозвучала слишком конкретно для человека, которому не задавали такого вопроса.

Павел тоже это заметил.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Тогда конфликт не возникнет.

Вадим взял ручку.

— Какой гонорар?

Павел назвал сумму.

Бывший муж даже не изменился в лице.

— Переведут сегодня.

— Не компания, — сказала я. — Оплата из твоих личных средств.

— Какая разница?

— Большая. Клиент — ты, а не строительная группа.

— Хорошо.

Он подписал соглашение сначала с Павлом, затем со мной.

Когда я поставила свою подпись, внутри ничего не изменилось.

Не стало торжественно.

Не появилось ощущения, что я вернулась в прежнюю жизнь.

Только юридический факт.

С этого момента Вадим Сергеевич Воронцов стал моим доверителем.

Человеком, чьи законные интересы я обязалась защищать.

Не мужем.

Не мужчиной, который предал меня.

Клиентом.

Я закрыла папку.

— Теперь рассказываешь всё с начала, — сказала я. — И на этот раз без попыток решить за меня, какие детали важны.

Вадим посмотрел на часы на стене.

— Сегодня?

— Сейчас.

— Я уже рассказывал утром.

— Павел не слышал.

— Ты можешь пересказать.

— Не могу. Содержание предварительной консультации защищено, но нам важно зафиксировать твою версию уже после вступления в дело. Кроме того, я хочу услышать, изменится ли она.

— Не изменится.

— Отлично.

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Хорошо. Кристина позвонила мне около девяти...

Вадим снова рассказал о сообщении, поездке, ссоре, воде и внезапной слабости. Павел задавал короткие вопросы, иногда возвращаясь к одной детали через несколько минут.

На имени Сазонова Вадим остановился.

— Кристина считала, что Кирилл выводит деньги через подрядчиков, — сказал он.

— Она показывала доказательства? — спросил Павел.

— Нет.

— Вы знали о таких операциях?

— Нет.

— Никогда не утверждали схемы с аффилированными компаниями?

— В строительстве сотни подрядчиков. Я не проверяю каждого.

— Кто проверяет?

— Финансовый директор и Кирилл.

— Кристина имела доступ к отчётности?

— К части. Она отвечала за публичные коммуникации и отношения с инвесторами.

— Почему специалист по коммуникациям полез в финансовые документы?

— В последние месяцы она хотела больше влиять на компанию.

— Вы конфликтовали из-за этого?

— Иногда.

— Собирались разводиться?

Вадим резко посмотрел на Павла.

— Нет.

— Были разговоры?

— У всех супругов бывают разговоры.

— О расторжении брака?

— Кристина несколько раз угрожала уйти.

— Почему?

— Ревновала.

— К кому?

Вадим мельком посмотрел на меня.

— К прошлому.

— Конкретнее, — потребовал Павел.

— Её раздражало, что Марина сохранила фамилию. Что Дарья не воспринимала её как часть семьи. Что часть партнёров продолжала обращаться ко мне через Марину.

— Они обращались? — спросила я.

— Несколько человек звонили тебе по старой памяти.

— Я перенаправляла их в компанию.

— Кристина считала иначе.

— Она ревновала к моему профессиональному имени?

— Она считала, что ты продолжаешь присутствовать в моей жизни.

— Я присутствовала в жизни нашей дочери.

— Для неё это не имело значения.

— Поэтому она готовила новое интервью?

Вадим замолчал.

— Ты знал? — спросила я.

— Она упоминала.

— И поддерживал?

— Я не видел финального текста.

— Это не ответ.

— Считал, что Кристина имеет право рассказать свою версию.

— В которой я использовала болезнь дочери, чтобы удерживать тебя?

Он нахмурился.

— Не знаю, что именно она собиралась говорить.

— Дарья знала.

— Поэтому поехала к ней?

— Да.

Вадим откинулся на спинку стула.

— Она не должна была вмешиваться.

— Как и я не должна была вмешиваться в твои проблемы? — спросила я.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Устанавливаю контекст. Кристина собиралась публично обвинить меня, Дарья попыталась её остановить, а теперь твоя дочь оказалась в материалах дела.

— Я сказал, что её не будут обвинять.

— Твоего слова недостаточно.

Вадим посмотрел на подписанное соглашение.

— Поэтому ты здесь.

— Именно.

— Я знал, что ты согласишься.

Фраза прозвучала спокойно.

Без благодарности.

Без облегчения.

Как будто всё происходящее лишь подтвердило его расчёт.

— Не переоценивай себя, — сказала я. — Я согласилась ради защиты законных интересов.

— Конечно.

В его голосе появилась почти незаметная усмешка.

Я почувствовала раздражение.

— Что смешного?

— Ничего.

— Тогда говори прямо.

Вадим посмотрел сначала на Павла, потом на меня.

— Я знал, что ты не позволишь нашей дочери сесть вместо меня.

Комната погрузилась в тишину.

Он произнёс это как признание моей порядочности.

Почти как комплимент.

Но я услышала другое.

Не «я благодарен».

Не «я рад, что ты поможешь».

Он знал.

Знал, что достаточно поставить рядом с собой Дарью — и я вернусь. Не как жена, не как женщина, даже не как адвокат.

Как мать.

Как человек, который всю жизнь входил в горящее помещение, если внутри оставался кто-то близкий.

Вадим снова использовал не просьбу.

Рычаг.

Два года назад он заставил меня молчать ради дочери, убеждая, что публичный конфликт разрушит её отношения с отцом.

Теперь добился моего возвращения той же причиной.

Дарья.

Я посмотрела на подпись под соглашением.

Мою подпись.

Добровольную, юридически безупречную, поставленную после анализа рисков.

И всё равно в этот момент она показалась мне очередным доказательством того, насколько хорошо бывший муж помнил мои слабые места.

— Не ошибайся, Вадим, — сказала я. — Я вошла в это дело не для того, чтобы выбрать тебя вместо Дарьи.

— А для чего?

— Чтобы никто больше не выбирал между вами за мой счёт.

Он хотел ответить, но я уже открыла блокнот.

— Продолжай. Кристина говорила, где находятся документы?

Вадим подчинился.

Однако, пока он рассказывал, я продолжала слышать его фразу.

Я знал, что ты не позволишь нашей дочери сесть вместо меня.

Так он воспринимал моё решение.

Не как свободный выбор.

Как предсказуемую реакцию.

И впервые с момента подписания соглашения я поняла: самым опасным в этом деле может оказаться не обвинение в убийстве.

Самым опасным будет не позволить Вадиму снова убедить меня, что его жизнь — моя ответственность.

Глава 4. Эксперт, который ей не верит

Первые материалы дела мы получили на следующий день после вступления в защиту.

Не всё дело, разумеется. Следствие не собиралось отдавать нам результаты экспертиз, которые ещё не были завершены, внутренние рапорты и сведения о действиях, не предъявленных Вадиму. Но после оформления статуса защитников Павел потребовал допустить нас к протоколам, на основании которых суд должен был решать вопрос о мере пресечения.

К полудню на моём столе лежали копии протокола осмотра дома, фотографии гостиной, справка из больницы, предварительные результаты смывов с рук Вадима, распечатка переписки с Кристиной и схема расположения предметов.

Бумаги привёз Павел.

Он вошёл в кабинет с двумя толстыми папками, сбросил с плеч мокрое пальто и без приветствия сказал:

— Если смотреть только на это, Вадим стрелял.

Лена, которая ставила на стол чашки, замерла.

Павел посмотрел на неё.

— Простите.

— Я ничего не слышала, — ответила она и вышла, прикрыв дверь.

Я дождалась, пока шаги стихнут в приёмной.

— Она моя помощница и подписала обязательство о конфиденциальности, — сказала я.

— Я не сомневаюсь. Но чем меньше людей знают первые выводы защиты, тем лучше.

— Какие первые выводы?

Павел положил папки передо мной.

— У обвинения простая и красивая версия. Почти не требует объяснений.

Я открыла верхнюю папку.

Первой лежала фотография гостиной.

Я узнала комнату сразу, хотя после моего ухода в ней многое изменилось. Исчезли тяжёлые серые шторы, которые мы выбирали вместе с дизайнером. Вместо них появились светлые панели. Старый диван заменили низким кремовым, неудобным на вид. Над камином висела большая абстрактная картина с золотыми полосами.

Ковёр остался прежним.

Тёмно-синий, ручной работы, купленный в Стамбуле пятнадцать лет назад. Тогда Дарья долго сидела на нём, раскладывая фотографии из поездки. Теперь возле края ковра лежала Кристина.

Фотограф снял тело сверху.

Она находилась на боку, одна рука вытянута вперёд, другая подогнута под грудь. Волосы закрывали часть лица. На светлой блузке темнело пятно крови.

Я заставила себя смотреть не на женщину.

На положение тела.

На мебель.

На расстояния.

Вадим лежал в полутора метрах, ближе к дивану. Его правая рука находилась возле пистолета. На фотографии оружие ещё не было перемещено: рукоять повернута к его ладони, ствол направлен в сторону камина.

На белой рубашке — тот самый широкий мазок.

— Входное ранение в области груди, — сказа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.